

Эмма Балонова

- Ну, прежде всего, расскажите, пожалуйста, если вы что-то помните, о ваших прабабушке и прадедушке.
- Я о них ничего не знаю.
- Совсем ничего? Может, вы знаете, в каком городе они жили, чем занимались?
- Ну, я знаю страну, в которой они жили – Белоруссия. Белоруссия, Литва и Латвия. Прабабушки жили там.
- Понятно. А может быть, вы слышали от родителей какие-нибудь истории про них?
- Ну, я много слышала про них. Вот папа мой рассказывал про своего папу и про своего дедушку. Они жили в Белоруссии, тогда она еще была частью Литвы. Папа рассказывал, что они жили очень бедно, очень тяжело. Специальностей они тогда никаких не имели, дедушка и прадедушка, кажется. Тоже обучали еврейских детей в хейдере – такая школа для мальчиков была. И там они, конечно, получали очень мало, или даже вообще ничего не получали, в общем, жили очень бедно. Ну, а прабабушка вела хозяйство дома.
- Мой папа очень рано ушел из дома, и начал сам зарабатывать. Он готовил, как он говорил, богатых детей к поступлению в школу. Он тоже был без образования, но он был очень способным, у него была очень хорошая память, и вообще. Голова очень хорошая. Ну. Вот он готовил их ко всяким экзаменам, к беседам.
- Ваши прабабушка и прадедушка были религиозными, да?
- Конечно, они все были религиозными, и дедушка мой даже какую-то должность в синагоге занимал.
- А какую именно, вы не знаете?
- Я не знаю, как это называется...
- А что он делал?
- Он помогал раввину. А папа мой, он имел очень хороший музыкальный слух, абсолютный слух, и он очень хорошо пел с самого детства. У нас вообще все поют, у всех хороший слух и у всех очень приятные, хорошие голоса. Но профессионально училась пению только я, но тоже не закончила, потому что началась война. И война мне все смешала, у меня были очень хорошие музыкальные способности.
- А бабушку свою вы помните? Как она выглядела, что носила?
- Свою бабушку я видела один раз в жизни. Она в простой юбке была, ситцевой, наверное, сверху была какая-то кофточка, с застежкой спереди, и в платочке.
- А мама ваша носила платок?
- Нет, моя семья была наоборот, ярые атеисты они были. Папа в детстве, благодаря своему голосу и слуху пел в детском хоре в синагоге, но когда он подросток – в 19 лет он уже стал большевиком, он порвал со всей религией. Он уже не имел никакого дела даже со своей семьей. Ну, поддерживал отношения со своими родителями. Мама, я знаю, у него рано умерла, его растила мачеха. Он даже долго не знал, что это не его мама. Хорошая была женщина.
- А как ее звали?
- Спросите меня что-нибудь полегче... Я не помню. Дедушку я помню, как звали, а бабушку – нет. Дедушку звали Исроэл.
- А по фамилии?
- Калмык. Моя девичья фамилия – Калмык.
- Такая интересная фамилия, вы знаете ее происхождение?
- Этого я не знаю, все-таки она далеко уходит... Я тоже как-то интересовалась, откуда такая фамилия.
- Хорошо. Вы знаете, откуда родом, из какого города ваши бабушка и дедушка?
- Полоцк. В Белоруссии есть такой город. Все они жили в этом городе, я знаю, что мой папа в детстве тоже там жил. А потом папа, будучи уже молодым человеком, переехал под Вильно.
- Примерно вы знаете, когда бабушка с дедушкой родились?

– Нет. Ну, вот дедушка у нас долго жил. Он долгожитель. За 90 лет ему было, когда он умер – это я слышала от папы.

– *А они не меняли имена или фамилии?*

– Нет, этого не было.

– *Бабушка вела хозяйство, да?*

– Да, потому что у нее было много детей.

– *Сколько? По именам вы их помните?*

– Папу моего звали Мендель. Потом он стал Михаил, а так он был Мендель. Тетя Фаня была, его сестра родная, тетя Цыпа, некоторые ее звали Циля. И еще я знаю, у них был младший брат. Его я уже видела, он у нас бывал. Я забыла, как его зовут, вспомню, может быть, потом.

– *А полные имена вы знаете? Цыпа – это полное имя?*

– Да, у нее другого имени не было. И у тети Фани другого имени не было.

– *То есть и в паспорте у нее такое имя было.*

– Да, так, наверное, и по паспорту.

– *Понятно. А на каком языке они говорили?*

– Они все говорили на идиш. Русским они тоже пользовались, но между собой они на идиш разговаривали.

– *А вы знаете идиш?*

– Я знаю.

– *И свободно говорите на нем?*

Говорю свободно, но, может быть, я скорость потеряла, потому что я давно не разговаривала. Много десятилетий. Как я уехала из дома – уже не с кем было разговаривать.

Ну, я сюда приехала молодой девушкой, поступила в «Техноложку». А здесь жил мой дядя родной. Я замужем за своим двоюродным братом. А когда я приехала учиться, сюда я приходила в качестве племянницы в гости каждую субботу. Они меня ждали, я приходила из общежития на Московском проспекте.

– *А дедушка ваш – он носил шляпу, бороду, пейсы?*

– Да, да. Длинная борода, пейсы – все у него было.

– *А с материнской стороны вы помните бабушку с дедушкой?*

– Материнскую сторону я помню, потому что это была все родня после замужества. Мамина родня. Я вышла замуж за сына родного брата моей мамы.

Про маминих родителей я не знаю. потому что они, кажется, очень рано умерли, и у мамы было 11 братьев и сестер, и они все остались без родителей. Кто-то вышел замуж из сестер, молодые люди как-то устроились.

В 1921 году был очень сильный голод в Самаре, на Волге. Там жили мамыны две сестры, они умерли от холеры, там прямо косила холера. Как только голод – так и холера. И от одной сестры осталось трое детей маленьких, которых разобрали дяди и тети, чтоб не отдавать в детский дом. У нас выросла мамина племянница как родная сестра. Она были старше нас и мы даже с моей сестрой долго не знали, что это наша неродная сестра. Мама взяла девочку, а двоих мальчиков тоже забрали два дяди. Вот сюда. В дом моей будущей свекрови они взяли мальчика, второго взял еще один дядя. А вот у второй сестры – вскоре она тоже умерла от холеры – осталось четверо детей. Я знаю, что моя свекровь и моя мама брали их время от времени домой, а они уже были в детских домах где-то в Белоруссии. Мы с ними тоже были очень дружны с детства. Они все четверо очень часто бывали у моей мамы, приходили голодными – это я помню, как сейчас. Даже один раз я как-то испугалась одного, он к нам шел, мы жили в Минске, я вышла – куда-то мне надо было, и я вернулась домой, говорю: «Мама, я боюсь идти, там какой-то беспризорник идет». Потом, когда он уже завернул к нам во двор, я узнала Давидку своего. Потом он стал очень талантливым человеком, стал директором школы, окончил заочно Ленинградский Университет, исторический факультет, в общем, был очень умный человек. Его все очень любили. Их ведь было одиннадцать братьев и сестер, и мы все дружили.

– *По именам вы их помните?*

– Конечно.

– *Попробуйте их перечислить.*

– Маму звали Соня. Соня Абрамовна.

– *Соня или Софья?*

– По-моему Соня. Соня Балонova. Это была ее девичья фамилия. А у меня она была в замужестве. У мамы была одна из этих одиннадцати братьев и сестер, они с ней были близнецы. Эта тетя тоже жила в этом доме у моей свекрови.

– *Как тетю звали, вы помните?*

– Конечно! Если я в субботу не приходила сюда, то она в воскресенье в 8 часов утра была у меня в общежитии. «Почему ты не пришла, ты жива, ты здорова?» Я говорю: «Тетя Нехама, я готовила экзамен, я не могла прийти» Она уже приходила с горячими пирожками.

Нас было одиннадцать девчонок в комнате, мы все очень дружили. До сих пор, хоть нас осталось всего четверо, мы перезваниваемся.

Так вот, маму мою звали Соня, а ее сестру-близняшку звали Нехама. Их папу звали Фоле-Абром, у него было два имени: Рафаил и Абрам. Так вот одна из них Рафаиловна, другая – Абрамовна. На кладбище они обе рядом лежат, и имя там написано не целиком: Н. Абрамовна и С. Рафаиловна. По-моему так. Тетя жила здесь с нами до войны, а потом мама и тетя Нехама умерли в один год от одной и той же болезни. У них был рак. В их поколении у многих был рак.

– *Как вы попали сюда?*

– В Белоруссии мы жили в Гомеле, папа, мама, я и две моих сестры. Потом старшая сестра вышла замуж, она жила под Гомелем, ее муж работал директором завода.

– *А в Гомель вы как попали?*

– Папа и мама у меня жили... Папа в 19 году стал большевиком, и уже был партийным работником. Всю жизнь он там работал, и только в последние годы был директором вечернего педагогического института в Гомеле. А так он всю жизнь работал на партийной работе. И его послали в Минск, там была в то время очень важная международная организация, МОПР она называлась: Международная Организация Помощи Борцам Революции. Она имела очень большое значение – и в республиках и в СССР. И папа мой был начальником... или не начальником, не знаю, как это называлось, ну, самым главным по работе в МОПРе в БССР, в Белоруссии. Значит, там я училась, там я пошла в первый класс, сестра маленькая моя там родилась, ну вот, и мы жили в Гомеле.

А сюда как я попала?... Я кончила десятилетку в Гомеле, аттестат отличницы у меня был, в музыкальном техникуме я там училась, тоже петь. И когда кончила 10 класс, я взяла свои документы и прислала сюда – тот, кто имел отличный аттестат, даже мог не приезжать сам. Я прислала документы в Техноложку и поступила. Уже в августе я приехала на собеседование, ну и тем, кто хорошо отвечал, кто понравился – тем давали сразу общежитие, еще мы могли выбрать, какое общежитие, их в Техноложке было несколько. И все, и уже к первому сентября я должна была... По-моему, в Гомель я уже и не вернулась. Потому что на несколько дней возвращаться опять ехать – это было довольно дорого. И я, как говорится в песне: у папы чести было много, а денег было мало. Так что я осталась здесь в общежитии. Ну, и еще пара девчонок там остались, не уехали домой, мы уже познакомились в комнате, вот. Я уже и сюда приходила в гости, к дяде. Здесь жил моей мамы родной брат.

– *А он как сюда попал?*

– Они все жили в Прибалтике, эта семья жила ближе к Латвии, а мой папа жил ближе к Литве. Но они все прибалтийские евреи, это была черта еврейской оседлости, поэтому они там все жили. Брат моей мамы был хорошим мастером по изящной обуви, так это тогда называлось – закройщик специальной такой изящной обуви. Это была редкая специальность, и он очень преуспевал в ней.

– *Эта обувь была только женской или и мужской тоже?*

– Он только женскую обувь кроил.

– *А зачем она нужна была? Не для повседневной же носки...*

– Я не знаю. Они жили в Риге, и все-таки Рига была большим городом с европейским уклоном, там жили очень богатые семьи, в основном, немцы. Прибалтийские немцы были богатые люди, я почему знаю – потому что моя свекровь будущая и ее сестра, которая с ней жила всю жизнь, они научились хорошо шить, и они довольно прилично знали немецкий язык, потому что девушек этих брали в дом, скажем, на два месяца, чтобы она обшила все в доме: сколько платьев надо было, белье какое-то... Они шили, не покладая рук, в этих богатых немецких семьях. И когда я уже здесь жила, они тоже здесь жили: моя свекровь, и

ее сестра, и сестра моей мамы – близнячка тоже с ними жила... Они между собой разговаривали на таком еврейско-немецком языке. И теперь, когда я приезжаю к своему сыну в Австрию. Он мне говорит: «Мама, ты можешь спокойно разговаривать с ними на идиш, их австрийский немецкий – это точно наш еврейский». И я не боюсь заблудиться, я гуляю по Вене где хочу, приезжаю, останавливаюсь, не знаю даже, где мой дом – естественно, Вена же очень большой город, красивый город... Но когда мне уже надо идти домой, я спрашиваю, как мне попасть на такую улицу, меня прекрасно понимают и сразу все мне объясняют, я приезжаю домой и не теряюсь. Первое время моя невестка пугалась, когда я уезжала: «Как, мама! Ты же еще не знаешь, что где!» Я говорю: «Я все найду». И все. И не боюсь. Вот.

А они все приехали из Прибалтики, еще будучи девушками незамужними. А свекор мой туда попал тоже как-то... Он тоже в Риге был закройщиком изящной обуви. И вот так он мне рассказывал, дядя Яков: Отсюда, здесь завод обувной, фабрика большая – имени Якова Калинина, это не нашего Калинина, в советское время который был, Михаил Иванович, фабрика называлась в честь какого-то другого Якова Калинина. Ну, кто это был, они уже не помнили, почему в его честь назвали фабрику – этого они тоже не знали. Так вот, от этой фабрики поехали несколько мастеров в Ригу, чтобы отобрать хороших закройщиков, надо было организовывать фабрику по первому разряду, чтобы были хорошие мастера, и до них дошло, что там есть хорошие мастера-закройщики. Несколько человек от этой фабрики приехали в Ригу, чтобы пригласить жить в Петербург. В том числе пригласили и моего свекра. Уже в Риге он успел жениться на моей будущей свекрови, они еще были очень молодые. И там уже в 1913 году родился мой будущий муж, их первый сын.

– *Как его зовут?*

– Это вот мой Исаак Яковлевич Балонов, он родился там в 1913 году, и если бы их не пригласили в 1914 году, то они бы сами уехали, потому что уже назревала Первая Империалистическая война. И они там не хотели оставаться, они хотели все-таки жить в России. Ну, а тут их пригласили – они приехали, им дали квартиру, тогда квартиру, в общем-то, можно было взять... Они на Петроградской жили, им дали квартиру и вот они стали жить своей семьей.

Потом здесь у них родился второй сын, будущий профессор психиатрии, много лет, до самой смерти он заведовал в нашем институте большой лабораторией, был большой специалист, известный даже за границей. И еще родилась дочка – моя будущая золовка. Она тоже... Они все врачи, и дети у них врачи. Соответственно, и друзья все врачи, и я одна в их компании не была врачом.

– *А что за врачи? У всех была одна специальность?*

– Нет, все разные. Мой муж потом стал рентгенологом, муж был военным, хотя он окончил Первый медицинский, а не Военно-медицинскую Академию, но у них было трое мужчин в группе, и их всех троих сразу забрали в армию, потому что это был 1936 год, уже пахло войной. Они стали военными, а этот брат только через три года успел поступить в аспирантуру, началась война, а сестра их тоже врач. Она врач-гинеколог. Она хороший гинеколог-акушер. Она много лет работала в родильном доме.

Они приехали сюда, свекор сразу начал работать на обувной фабрике, свекровь моя не работала, потому что дома надо было... Тогда это было немодно, тогда мамы были дома. И дети были другие поэтому. Выросли дети, которые над мамой, и над теткой, которая помогала их растить, тряслись просто! Так относились хорошо. Между собой дружили. Это все-таки давалось тем, что мама была дома и растила сама своих детей. Все трое ее детей были удивительными людьми.

– *Мы немного отвлеклись от бабушки с дедушкой. Вы когда-нибудь были у них дома?*

– У бабушки с дедушкой я была один раз, когда я была маленькая, мы жили тогда в Минске, а папу послали в командировку в Полоцк. И вот он взял меня с собой, чтобы показать бабушке с дедушкой, познакомиться, но я была очень маленькая. Когда я была у них, я, конечно, не помню, помню большой деревянный дом такой. А так – больше ничего не помню.

– *А сад у них был? Или огород?*

- Ну, наверное, был. Тогда у всех при домах были огороды и сады.
- *Они одни жили, или у них были какие-нибудь помощники?*
- Нет, они жили только со своими детьми – у них тоже было много детей, шесть или семь, – в большом деревянном доме.
- *То есть никто не помогал по хозяйству?*
- Нет, и я потому до сих пор сама не хочу, потому что я не представляю, как это так... Эту квартиру мои родственники получили в 1922 году, она сейчас разделена на две, а тогда это была вся большая квартира нашего свекра. Мы здесь жили. Все садились в этой комнате – это была столовая, самая большая комната, – за большой раздвижной стол под белой скатертью, у свекрови все всегда сверкало, она была очень строгая, но очень хороший человек, мы с ней прожили 37 лет вместе и ни разу даже не поссорились. Вот эта общепринятая манера, что обязательно со свекровью надо быть врагом, и драться и ссориться – это у нас не подтвердилось. Не только у меня с моей свекровью, но и у меня с моими невестками. У меня две невестки и я их очень люблю, как своих дочерей, и мы с ними очень дружим, хотя вторая невестка уже жена другого – мой младший сын умер. И все равно мы с ней очень дружим.
- *Ваша бабушка была религиозной?*
- Они все были религиозные, конечно! В синагогу, конечно, ходили, бабушки все ходили, даже моя свекровь, она была тоже религиозной, я знаю, что она соблюдала все праздники, потому что у нее вся родня приходила, на все праздники был такой пир горой всегда, и всякие вкусноты они делали, и все мы собирались всей семьей большой.
- *А у вашего дедушки были какие-то определенные политические взгляды? Он был членом какого-нибудь общества?*
- Нет, он не был никаким членом общества, но папа с ним очень спорил в отношении религии, в отношении Бога и всего этого, папа считал, что никакого Бога нет, и нам это внушал с детства с сестрами. Папа был у нас атеист воинствующий. А дедушки – нет. Дедушки все верили, ходили в синагогу...
- *Может быть, вы помните Полоцк? Вы только один раз там были?*
- Один.
- *Вы знаете, была ли там синагога?*
- Наверняка была, потому что дедушка там жил и работал в этой синагоге. У меня есть двоюродная сестра со стороны дедушки, папина, мы с ней до сих пор вообще дружны, и я еще иногда к ней хожу, она не ходит – она высокий гипертоник, вот мы с ней сейчас переговариваемся по телефону – она, конечно, это все лучше меня помнит. Но к ней, наверное, нельзя будет, она очень больная.
- *Этого я и сама боюсь, видите, я говорю с вами о таких тяжелых вещах, которые надо вспоминать, и, кроме того, мы еще не дошли до войны, там тем более тяжело. Я боюсь, что она расстроится.*
- Я тоже иногда когда с ней... Если она вспоминает, так я поддерживаю, а так я ей никогда стараюсь такие вещи не напоминать.
- *А бабушка с дедушкой вам ничего не рассказывали про свое детство?*
- Нет, я была маленькая.
- *Совсем маленькая? А сколько вам лет примерно было?*
- Ну, может быть, лет семь. Я вообще считаю, что с этого возраста ребенок ничего не может помнить, но я недавно была у сестры, мы с ней были в Минске, и она меня повела на такую улицу, я ей говорю: «Клара, вот мне здесь все знакомо!» Она говорит: «Так вот же твоя школа, в которую ты ходила!» Вот как-то так зрительно я все это помню, я иду и думаю: я ведь здесь бывала, я все это видела! Ну, в общем, вот так – я просто вспомнила свою школу.
- *Понятно. А ваш дедушка служил в армии? Не знаете?*
- Нет, он в армии не служил. Служил в армии мой папа, это да, но это, наверное, во время Империалистической войны Первой. Он, наверное, служил, потому что у меня есть фотографии папы в военной форме, я спросила, почему, так мне папа сказал, что это перед уходом в армию. Он сфотографировался перед уходом в армию. Так что папа служил, а дедушка – нет.
- *Так, ваш папа жил в Полоцке?*
- В детстве он жил в Полоцке. А позже он под Вильно где-то жил, я помню, он все время рассказывал. Или в самом Вильно. Тогда Вильнюс так назывался. Ну,

как он рассказывал, маленький городок был. Сейчас я бываю каждый год в Вильнюсе, потому что моя сестра там живет, и сейчас это шикарный город.

– *А мама? Я опять забыла, где ваша мама жила...*

– Они там познакомились, под Вильно, и мама в самой юности жила в Петербурге почему-то, вот почему она жила в Петербурге и больше никто из ее сестер-братьев тут не жил, и я не знаю, как она сюда попала. И сейчас уже не у кого узнать, никого уже нет. Я помню, она рассказывала, она тут работала на какой-то трикотажной фабрике, будучи еще совсем молодой девушкой. Моя будущая свекровь и ее сестра были очень хорошими портнихами, а мама работала на трикотажной фабрике. Это была уже государственная фабрика. По-моему, папа приезжал сюда зачем-то и познакомился с мамой и с маминой семьей, потому что папа должен был жениться на маминой младшей сестре, которую звали Эмма, в честь нее вот папа назвал меня. Но она умерла от тифа, и папа по еврейским законам женился на ее сестре, на моей маме. Здесь, в Петербурге.

– *То есть, они поженились не по любви, а по закону?*

– Ну, я не знаю, может быть... Ну, по закону, да. Папа женился на моей маме, потому что она была сестра его невесты, которая умерла. Однако, они прожили очень счастливо всю жизнь.

– *А свадьба у них была тоже религиозная?*

– Наверное, да. Иначе в те годы и не выходили замуж в еврейских семьях.

– *А поженились они здесь?*

– По-моему, в Белоруссии. Я не знаю точно, как, но мама и папа уехали отсюда как жених и невеста.

– *Ну, давайте вспомним город, в котором вы жили в детстве.*

– Ну, вот я жила в Минске, а в Гомель мы приехали, когда я перешла в пятый класс. Значит, мне было 12 лет. Это был 1932 год. Мы приехали в Гомель, там папе дали квартиру, его райкомпартия прислала работать туда, у нас была черехкомнатная квартира, у нас было две комнаты и у соседки было две комнаты.

– *Это была коммунальная квартира?*

– Ну, тогда даже понятия еще такого не было, но да.

– *А в каком доме вы жили?*

– Ну, в Гомеле мы жили на довольно центральной улице, на Комсомольской, дом был такой... буквой «П», мы жили в левом крыле. У нас было две довольно-таки больших комнаты, и балкон выходил на обе комнаты. Так что у нас была хорошая квартира, но отопление у нас было паровое, но вот я помню, что ванну мы топили дровами, потому что я помню, что папа колот дрова для ванной. Но печка у нас была большая с соседкой, русская, все-таки. И вот я помню, мама всегда такие вещи вкусные пекла, потому что русская печка – это совсем другое дело.

– *То есть, это был большой дом, и электричество уже было?*

– Ну конечно.

– *А у родителей было электричество?*

– У папиных? Это я не помню.

– *Вы помните, сколько евреев было в Гомеле? Примерно?*

– В Гомеле – много. Потому что вот в нашем классе, когда учились, мы никогда об этом не думали, у нас вообще национальный вопрос никогда не стоял. Дружили девочки, мальчики, совсем по другому принципу, не по национальности. Как-то, когда мы уже были взрослые, мы считали, все ли у нас были двадцатого года рождения, три, я помню, человека, были двадцать первого года. И вот в смысле национальности мы стали перебирать, вспоминать, – и даже некоторых мы не знали, кто он по национальности, – было больше евреев у нас.

– *А школа была обыкновенная или еврейская?*

– Нет, школа была обычная, у нас в Гомеле я не помню, чтобы была еврейская школа. Белорусские были... Синагога была. Но в нее никто не ходил.

– *Вообще никто?*

– Из наших? Из моих? Никто. Папа был такой коммунист, и мама, следовательно, тоже была, но она стала такой, а когда она уезжала из дома, она была такой, как все, в какой-то степени даже немножко религиозная. Но рядом с таким папой как наш, она, конечно... Никаких у нас не справлялось еврейских праздников, вот здесь уже у моей свекрови – здесь все было иначе.

– *То есть, вы не знаете, были ли служители в синагоге, вы там никогда не были?*

- В Гомеле? Нет, никогда не была.
- *А снаружи ведь вы ее видели?*
- Это было большое такое, довольно запущенное здание, какое-то такое, темновато-серое, а внутри я никогда не была, я вообще впервые в синагоге вот здесь побывала. И теперь иногда мы с сестрой заходим в синагоги в Вильнюсе, зайдём, посмотрим и уходим...
- *Ясно. Может быть, вы помните, евреи жили по всему городу или на какой-то отдельной улице?*
- Нет, никакой улицы отдельной не было, все жили вместе. Не было такой еврейской улицы. Вообще очень мало говорили о национальности, мы жили очень дружно с нашими соседями белорусами, в Минске когда мы жили – у нас маленькие домики у всех, мы снимали, а у кого-то свой домик – там польская семья, мы с ними очень дружили. Потом, следующая – белорусская семья, с ними мы тоже дружили. А больше еврейских семей я не помню на этой улице.
- *А фамилии семей, с которыми вы дружили, вы помните?*
- Фамилии соседей? Нет. Я ведь рано уехала, мы были еще девчонки, в Гомель мы приехали, мне было 12 лет, сестре было 9 лет, а старшей сестре было уже 20. Она поступила в техникум.
- *Вас всего три сестры?*
- Да, нас всего три сестры. Нас родных две, и вот одна у нас была мамина племянница.
- *А как сестер зовут?*
- Младшую зовут Клара Михайловна Погребова она сейчас уже по мужу. А старшую зовут Мира Гоман.
- *А кто в вашей семье ходил за продуктами на рынок?*
- В моей семье? Или когда я жила у свекрови?
- *Нет, когда вы жили с родителями.*
- Все мама. Мама и помогала по дому ей всегда старшая сестра. Мы как-то с сестрой к хозяйству не... я помню, что я дома не выстирала и носового платка. Наше дело было учиться. А так к маме приходила женщина, прачка, и она у нас стирала целый день.
- *То есть вы не знаете, были ли у мамы особые торговцы, к которым ходила ваша мама? Или ей было все равно?*
- Нет, не было таких у мамы.
- *А помните ли вы какие-нибудь политические события из вашей юности? Которые вас как-то затронули?*
- В Гомеле?
- *Нет, вообще, в стране.*
- Я помню, мне уже столько лет, а это до сих пор в моей памяти. Поскольку мой папа был первым секретарем МОПР, в 1927 году была такая история: двух итальянских коммунистов Сакко и Ванцетти – я все это помню до сих пор! – судили и расстреляли за то, что они были коммунисты и за связь с советским правительством. Ведь везде уже был фашизм, в Италии уже Муссолини был в том году. И вот этих двух коммунистов итальянских, их судили за коммунистическую деятельность и за то, что они дружили с Советским Союзом, и их приговорили к расстрелу. И вот я помню, в Минске огромная демонстрация, я помню огромную площадь, центральную площадь в Минске – она вся была запружена людьми со знаменами, с лозунгами со всякими, возмущались этими вот действиями фашистов, за то, что они расстреляли этих двух коммунистов. Это я очень хорошо помню. Потому что папа мой тогда меня взял на трибуну даже, папа был там первое лицо, он доклад делал, и я была на трибуне, поэтому я все это видела и помню.
- А такое событие уже в Гомеле я помню – это убийство Кирова. Это я очень хорошо помню. Мне уже было 14 лет, я уже была большая, и я помню, как ночью папу подняли с кровати, кто-то прибежал из райкома партии ему передать. Что только что убили Кирова. Это было вообще как гром среди ясного неба. Папа вскочил, оделся быстро – они побежали в райком партии. Ну, а потом уже в 1937 году начались аресты с расстрелами. Это я тоже хорошо помню.
- *Это происходило где-то рядом с вами, с вашими знакомыми?*
- Конечно. Наш папа только случайно не попал, он был в списках, кого нужно было арестовать, но он был там из последних, к этому времени уже успели в

Москве развенчать Ежова, вот его тогда расстреляли, потому что все это были его дела, его распоряжения. И поэтому папа мой не попал в число арестованных. А так у нас были, конечно, знакомые, которые были тогда арестованы и пропали навсегда, и учителя у нас были в школе – как раз самые хорошие учителя – их, конечно, арестовали, и все, больше мы их никогда не видали.

– *А учителей вы помните в школе?*

– Конечно.

– *Любимую учительницу, или, наоборот – нелюбимую...*

– Конечно помню...

– *Как их звали?*

– Я очень любила... Мы все очень любили нашу классную руководительницу, Нину Фоминичну Гусеву. Она была очень строгая, но очень хорошая. Она вела химию, у нас половина класса любила химию. Потому что она очень хороший педагог была, она нас учила, как я уже потом выяснила, когда я в Технологичке училась, не все, но несколько человек у нас пошли в химические вузы и стали химиками. Я помню, как она нас учила уже по учебнику Некрасова, по которому мы уже учились на первом курсе. Поэтому, когда я пришла в институт и стала учиться на первом курсе, я очень хорошо по химии успевала и любила и так всю жизнь на химии проработала.

– *А на какое отделение вы поступили?*

– Я поступила в Технологический институт, на технологический факультет, специальность – синтез красителей, полупродуктов и красителей. У нас был такой профессор, академик Порайкошек, заведующий нашей кафедрой. И вот когда началась война, Технологичку быстро собрали, это был один из важнейших вузов в Ленинграде, и 19 июля мы уже уехали в Казань, весь институт.

– *Ой, тут у меня вопросы про родителей опять... Ну, мы уже много про них говорили, но я не спросила вас про даты рождения. Вы помните, когда они родились?*

– Родители родились в 1894 и 1896 году – вот так вот мама и папа. Они рано умерли оба, 53 года им было, когда они умерли, потому что война уже пошла, их согнали, и немцы пришли в Гомель, они все всё бросили и уехали, они были в Нижнем Новгороде, во время войны, в Горьком – тогда он так назывался. А я вот была в Казани, война нас всех разбросала быстро...

– *У ваших родителей, когда вы вместе жили, был сад?*

– Нет, это же был городской дом, а мой отец не признавал никакой собственности.

– *И дачи не было?*

– Какие тогда дачи? Мы снимали хорошую, между прочим, дачу, в одной коммуналке. Это была тогда коммуналка по всем правилам – у них было все общее, делилось на всех одинаково, а когда они узнали, что мой папа работник райкома партии, они его сделали... ну, как бы таким... он разрешал все спорные вопросы в этой коммуналке, когда нужно было что-то – они сразу просили моего папу. Папа часто присутствовал на их собраниях коммуналки, помогал им решать вопросы всякие, папа хорошо разбирался во всем, он был очень с хорошей головой.

– *А военное звание его вы помните?*

– Военное? У папы не было военного звания. А, ну когда он в армии служил, он был рядовой. Еврей тогда не мог быть офицером. В советской армии еврей офицером, по-моему, не мог быть.

– *А вы с каким-нибудь проявлением антисемитизма сталкивались? Вот смотрите, отец не мог быть офицером, поскольку он был еврей. Вам лично никогда не мешали в продвижении в учебе, например?*

– Мне? Нет. Меня никто никогда, во-первых, об этом не спрашивал. Служил ли папа в армии – он же тогда неженатый был, поэтому ко мне это не относится.

– *Вам, как еврейке, никогда не мешали учиться, работать? Не в связи с папой, а лично.*

– Ну, всяко бывало, конечно. Например, когда – это мы с вами еще не писала – я была замужем, мы с мужем уехали, муж был военный врач, мы уехали. А потом мы вернулись, и я уже 4 года поработала в одном институте, а потом я хотела туда же вернуться на работу, вот мне сказали: «Вы пока поступите куда-нибудь в другое место, вот в этом смысле станет поспокойнее и посвободнее,» – прямо начальник мне так сказал, – «Я вам позвоню и вы придете». Так и было. Я

поработала пять лет в другом месте, а потом он мне позвонил, и я пришла – и уже с этого времени я работала там до пенсии. На пенсию мы уходили в 45 лет, там была вредная химия, ноя проработала еще 14 лет.

– *А кем вы работали?*

– Научным сотрудником.

– *Про родителей опять... Не в тему, правда. Про отпуск: вы куда-нибудь с родителями ездили? Ну, кроме дачи. Где вы отдыхали?*

– Тогда? В те времена? Мы отдыхали на даче, там снимали в этой коммуне маленькую квартирку и там всей семьей жили.

– *А где это было, вы помните?*

– Это было, когда я еще была маленькая, под Минском, я думаю. В те времена мы никуда ни на какие курорты не ездили.

– *И еще один вопрос не в тему получился: с какими родственниками ваши родители поддерживали отношения?*

– Со всеми. Все очень дружные были. Если тогда не ездили друг к другу, то письма всегда... Папа вот мой сюда, к моему будущему свекру не ездил, но папа вообще никуда не ездил, потому что он много работал, у него редко был отпуск. Каждый год у него не было отпуска, а моя мама переписывалась с ними, я помню, всю жизнь. Потому что здесь жила мама, близнецы они были – вот эта тетя Нехамма жила здесь с моим свекром будущим, а мама жила, где папа. И вот они всю жизнь переписывались с тетей Нехаммой. Знали, как тут что, я знала, что у меня тут есть двоюродный брат такой, я его никогда не видела, а когда я уже приехала учиться в Техноложку, вот тогда мы впервые с ним познакомились.

– *Понятно. Ну, а дальше все про вас будет: когда вы родились? Я знаю, что в 1920 году, правильно? Когда у вас день рождения?*

– 17 апреля я родилась в городе Витебске, потому что мы жили тогда в другом городе каком-то, я не помню, где мы были в двадцатые годы. Ну, наверное мы даже были в том же Минске. Но мама уехала меня рожать, потому что она – это они мне рассказывали – она думала, что у нее родится мальчик, и мама хотела мальчику сделать обрезание, папа бы не дал, поэтому мама уехала рожать в Витебск, там, наверное, у нее были кто-нибудь родственники, но родилась девочка. Так что спокойно я родилась, и мама вернулась домой.

– *Понятно. А в детский сад вы ходили?*

– Я ходила. Очень любила ходить в детский сад в Минске, и сестре моей, она еще была маленькая, но мне хотелось, чтобы она тоже со мной ходила, ей разрешали посещать детский сад, как гостье. Ей было три годика, она ходила со мной вместе.

– *Потом, сразу после детского сада, вы пошли в школу, правильно?*

– В Минске я пошла в первый класс, и доучилась там до пятого класса, я там училась, по-моему, это седьмая школа была. Ну, это уже были городские школы: обычная русская школа, белорусский язык мы изучали как язык, но относились к нему очень серьезно, хорошо его знали, читали литературу и грамотно писали и разговаривали.

– *А сколько вообще было иностранных языков? Вы изучали еще какие-нибудь языки?*

– Ну, вот я изучала немецкий и английский в институте, любила английский язык, довольно прилично его знала, сейчас, конечно, уже забыла, но иногда что-нибудь читаю, вспоминаю, что это такое.

– *А помимо химии были еще какие-то любимые предметы? Или химия самая-самая любимая была?*

– Химия, конечно, очень важная для меня была... Ну, подруг я еще любила, были у меня две подруги, и мы дружили много лет, и продолжали еще дружить. Когда уже окончили институты, одна подруга жила в Москве, другая осталась в Минске, мы ездили каждый год друг к другу.

– *А как их звали?*

– Минская подруга – Сара...

– *Еврейка, да?*

– Ну, да, Гомель был еврейский город, если вспомнить – так у нас в классе было много евреев.

А в Москве была моя подруга Рахиль. Вот они обе ко мне на свадьбу приехали, моя свадьба была в 1940 году, перед войной. Войны еще не было, я

вышла замуж осенью, а в 1941 ведь война началась, так что еще было мирное время, они обе ко мне на свадьбу приехали, и каждый год мы виделись обязательно. А то еще и по нескольку раз в году. А потом моя подруга Рахиль вышла замуж за ленинградца, и мы много лет здесь дружили семьями. Ни одно какое-нибудь событие дома не было без того, чтобы их не приглашать, и мы были с мужем всегда у них, и много лет даже, у них была дочь, и она уехала потом уже в Израиль в наши времена, и мы еще с ней потом уже через общих знакомых узнавали. Потом она как-то приехала в гости уже к моим детям старшим, а потом она умерла. Тоже умерла от рака. Молодая женщина еще была. Это уже дочка моей подруги. А с этой Сарой, с минской подругой тоже я еще продолжала дружить с ее сыном, видались мы каждый год, я приезжала туда – мы приезжали с сестрой всегда к нашим племянницам в Минск, нашей сестры уже не было, но были племянницы. Мы и сейчас, в общем, общаемся. Ну вот, я общалась с сыном моей подруги тоже, знала, где он и что, а потом он погиб. На работе погиб, там случилось что-то – и он погиб.

– *Вы знаете, что случилось?*

– Там мне рассказывали мои племянницы, что как-то получилось так, что его засыпало песком, и его не успели вытащить – он задохнулся. На стройке на какой-то... Хороший был парень...

– *Страшно... А с этими вашими подругами вы в школе познакомились?*

– В школе учились вместе, в одном классе, и на одной парте даже сидели и всегда очень дружили. У меня была еще одна подруга, единственная подруга сейчас жива, с которой я общаюсь, она живет сейчас в Москве. Я у нее была в прошлом или в позапрошлом году, ездила в Москву за визой, чтобы получить визу в Австрию, надо ехать в Москву, в Германию, которая рядом – и консульство рядом, туда визу можно в Ленинграде получить, а в Австрию – надо ехать в Москву. Вот я пожила несколько дней у моей этой подруги.

– *А с ней вы давно познакомились?*

– Она тоже из нашего класса, это все наш класс.

– *Ух ты. А вне школы у вас были друзья?*

– Они были и вне школы... ну, еще пара мальчиков – мы очень дружили. А девочек. По-моему, особенно близких... Ну, соседи у нас были хорошие, мы очень дружили с соседями, это я помню. Они, бедные парни, все, конечно, погибли на войне многие, а многие остались не знаю, где, может быть у немцев – потому что немцы пришли в Гомель очень как-то быстро, меня уже там не было – я уже была в Техноложке. А мои все – папа был назначен начальником последнего эшелона, вот они уехали из Гомеля все тогда. Кто куда...

– *Понятно. А чем вы вместе с друзьями занимались?*

– Ну, я особо часто не могла... Они все между собой собирались чаще. А у меня ведь каждый вечер были занятия в музыкальном техникуме, у них у всех вечера были свободные: сделаешь уроки – и можно встречаться, а я не могла, потому что у меня все вечера были заняты занятиями в техникуме.

– *То есть, вы одновременно учились и в школе и в техникуме?*

– Да, поэтому я с ними не могла общаться так каждый вечер, ну все равно были выходные дни, праздники – их всегда мы проводили вместе, приходили друг к другу домой, слушали музыку, разговаривали с папой, особенно часто папа с нами разговаривал, о политике папа рассказывал всегда. Папа был у меня международник в городе, когда он читал лекции о международном положении, скажем, раз в два месяца, был полный театр, потому что у папы была очень хорошая речь, он и на русском, и на белорусском, и на еврейском одинаково.

– *А еще он какой-нибудь язык знал?*

– Папа? Он хорошо знал древнееврейский, молитвы все хорошо очень знал на древнееврейском, но это в кругу семьи – редко тоже...

– *Но он же был не религиозный?*

– С детства, когда ему было 9 лет, его папа отвел в синагогу в детский хор, потому что уже, видимо, знали, что он хорошо поет, совсем с раннего детства, ну, и вот он пел в этом детском хоре, и, поскольку у него был изумительный слух, он очень хорошо усвоил все молитвы, которые и взрослому не очень легко было, а он их знал. Ну, он нам, в общем, в семье редко, но иногда, если у него выпадало настроение и время – он ведь очень много работал, всегда был занят – так он нам иногда пел вот эти молитвы, и это вообще что-то. Так же как, между прочим,

русские молитвы я очень любила слушать тоже... Но русские я уже слышала во взрослом – здесь, например, уже в Ленинграде, я уже ходила на концерты, литургия Чайковского, литургия Рахманинова, когда в Филармонии исполнялась, или вот когда сюда приезжал хор под управлением Минина, есть такой хор в Москве, первый раз я просто была поражена – целое третье отделение этот хор пел церковные всякие песни, церковные произведения. Я пришла домой пораженная просто этой красотой этой музыки. Ну, у меня, наверное, вообще была склонность к музыке, и сейчас она есть, слава богу. Музыка мне очень много помогает в моей жизни, потому что я много ходила в Филармонию, и на концерты, не пропускала ни одного дирижера, которые приезжали, когда уже начали из-за границы к нам приезжать, ни одного хорошего солиста – и до сих пор слушаю музыку. Сейчас уже ходить не могу, потому что поздно боюсь одна возвращаться.

– *Надо компанию найти.*

– Вот я всегда свою соседку – у меня соседка тут жила – всегда ее уговаривала, но она классическую музыку не любила – и не ходила. Она говорит: «Мне в Филармонии скучно». Мы с мужем ходили, но муж тоже не всю классическую музыку любил, я ходила одна, а муж потом приходил меня встречать, домой идти вместе. Так было очень хорошо.

– *Понятно... Ой, может быть вы помните, когда вы в первый раз прокатились на автомобиле?*

– Прокатилась на автомобиле в первый раз? Я помню, что когда мы жили в Гомеле, папа у нас часто ездил в Москву в командировки, и на вокзал папа всегда брал извозчика – это я помню. И извозчик всегда брал маму и нас с сестрами, мы все пятеро приезжали на вокзал, там был очень хороший ресторан... Ну, тогда это еще не было рестораном, в общем, мы все вместе там ужинали с семьей, очень вкусно, потом мы провожали папу на платформу и уходили домой пешком. Потому что было не очень далеко, просто у нас такой вот был уже порядок. Мы очень любили это, с папой вместе... Вообще для нас, когда мы проводили с папой время – для нас это всегда был большой праздник.

– *А в ресторане вы ужинали, только когда папу провожали или еще когда-нибудь?*

– Да, больше никогда, ни с кем не ходили, конечно, нет. Я в первый раз пошла в ресторан, наверное, уже с мужем, когда я уже была... Ну, когда я вышла замуж. Мне, правда, было только двадцать лет, здесь у них было принято ходить в рестораны, у них была хорошая компания, все учились, все были студенты, муж мой уже был врач, он как раз кончил институт. Конечно, никому ни одни родители деньги на ресторан давать не могли, потому что все были средние служащие, получали очень мало, но они каждый подрабатывал. Мой муж, например, хорошо рисовал, и он подрабатывал на всякие лозунги, плакаты, когда его просили какие-то организации нарисовать – так пожалуйста! – он вечерами сидел и делал им всякие объявления небольшие, он зарабатывал на этом. Другой там ходил медбратом работать, скажем, учились они в институте – работали медбратом. А женщины - медсестрами. Ну, во всяком случае, это был их источник развлечения. Родители у них эти деньги не забирали. Все равно иногда отдавали маме. Если у мамы нету, а у него были эти рубли несчастные, так он конечно маме давал.

– *А на каникулы вы куда-нибудь ездили?*

– В институте?

– В школе.

– Когда в школе были каникулы – нет.

– *Никогда не были ни в лагере ни в каком...*

– Нет, я в лагере была. Потому что наша старшая сестра, она вот так подрабатывала: она была пионервожатой. Она очень любила, я помню... При доме офицеров у нас была комсомольская организация очень интересная, у них были развлечения, они там танцевали, пели хором, она иногда даже и меня брала туда и мне нравилось очень. Вот, ее летом устраивали пионервожатой в лагерь. Вот она в эти лагерь брала меня. Я с удовольствием ездила, отдыхала там. А сестру мама не пускала, потому что сестра у нас была очень слабенькой, что-нибудь – она уже болеет. Горло у нее без конца... И мама ее просто не пускала никуда.

– *А в школе вы в одной учились с сестрами?*

– Да, мы в одной школе учились, и мы всегда участвовали в самодеятельности, у нас была очень хорошая самодеятельность, особенно когда к

нам как-то приехала семья Ягудиных – вот этот фигурист Ягудин, который много лет первое место занимал, вот сейчас вот ушел в профессиональный – это их внук, вот этих Ягудиных, с которыми я училась. Ну вот, и у нас была замечательная самодеятельность. Они все были музыканты, а мы любили все музыку, девочки у нас все пели... Вот, мы недавно похоронили последнего Ягудина... Его деда – вот этого фигуриста – его дед, которого мы недавно похоронили. А тот Ягудин, с которым я училась в одном классе – тот не пришел с войны, погиб на войне. И еще они Ягудин, учился младше – тоже. По-моему, двое их погибло на войне. Вот самого маленького я не знаю, где он а это их потомок...

– *Понятно. Скажите. Я все правильно поняла: ваша старшая сестра вас старше на восемь лет...*

– На девять.

– *На девять, а младшая на три года младше.*

– Да.

– *Ну, все понятно. А может быть, у вас дома соблюдались ну хоть какие-то традиции? Шаббат, например? Когда вы с родителями жили.*

– Нет. Здесь – да. А там никаких. Все, что связано с религией – там все папа мой не разрешал.

– *А идиш вы выучили как? Потому что родители на нем говорили?*

– Потому что я жила в еврейском городе, и там все кругом разговаривали по-еврейски. Наша соседка, с которой мы в одной квартире жили – она очень хорошо пела. Я тоже хорошо пела, она меня учила всем еврейским песням, и язык я просто знала, потому что я жила в еврейском городе.

– *А еврейские традиции вы откуда узнали?*

– Ну, я знаю традиции немного. У нас как-то дома это не соблюдалось, у соседки тоже не соблюдалось никаких особых традиций.

– *То есть, никакой мацы на Песах...*

– Там – нет. Это все было здесь.

– *Только здесь вы узнавали новое?*

– Да, от свекрови, и от тетки, и от них я все узнавала – дома я этого ничего не знала.

– *То есть, там у вас праздники были только светские?*

– Только советские. Это было у нас святое, у папы это было святое.

– *Какой любимый праздник был?*

– Ну, любимый праздник у нас был новый год... Нет, новый год мы тогда и не знали толком. У нас было 7 ноября и 1 мая. Вот эти были два любимых праздника.

– *И что делали?*

– Ну, папа был дома – значит, мы уже ходили вместе гулять, на демонстрацию обязательно ходили со школой или с папой, папа нас иногда на трибуну брал, ну с папой ходили в парк, на концерты, если театр... В Гомеле, во-первых, был свой драматический театр очень хороший, мы его очень любили, ну, а кроме того, приезжали из Минска театры, иногда даже концерты какие-нибудь и московский артист там какой-нибудь приезжал – это мы никогда не пропускали. У папы были пропуска во все театры бесплатные, и папа всегда нас брал с собой, на концерты, на спектакли на хорошие, маму и нас с сестрами. Это мы любили очень все.

– *Понятно. А в Гомеле вы где-нибудь работали?*

– Нет, я нет.

– *То есть, потом уже, когда вы приехали сюда, поступили...*

– Я поступила в Техноложку, проучились мы два года, и началась война, Техноложка эвакуировалась в Казань, и там мы все учились и работали. Все студенты – было специальное расписание – все студенты шесть часов работали и шесть часов учились.

– *И где вы работали?*

– У нас у всех на кафедрах – у нас же были военные кафедры, на всех кафедрах, что только можно было для войны делать – на кафедрах было устроено. Но я училась не на военной кафедре, синтез полупродуктов и красителей – это не военная кафедра, но они все равно сделали такое полужаводское производство такого вещества, как сахарин. И на этот сахарин, они договаривались с какими-то предприятиями, на фронт его возили, а я работала на военной кафедре. Это была кафедра пиротехники, я готовила там для военного производства нужна была... Для зажигательных мешков нужна была чистая сера и нужно было ее... Чистый

фосфор освободить от – каждый фосфор, который добывается в природе имеет примесь кусочков маленьких белого фосфора.

– *Это который светится?*

– Белый, мало того, что он светится, это бы нам не мешало, но нам мешало то, что он самовозгорается. Так вот, вы представляете, если бы эти, скажем, зажигательные мешки, которые они бросали на немцев с самолетов, устраивали у них там, в тылу и на фронте пожары – если бы они возгорались там, где не надо? Так это вообще был бы кошмар, пожары были бы у нас, пока оно там хранилось, пока их перевозили. Значит, красный фосфор приходилось освобождать от вкраплений белого фосфора. Вот этим я занималась. Это очень вредное производство, потому что там везде есть примеси мышьяка, он там в природе, и этот мышьяк у меня тоже сгорал вместе с белым фосфором, и я, бывало, надышусь всем этим, выхожу из своей комнаты, ведь все-таки шесть часов надо было стоять и делать это – страшный у меня такой огонь был, и этот огонь сжигал белый фосфор, а красный оставался. Потом я фильтровала это, уже очищенное от белого фосфора красный, и он шел в производство всяких зажигательных снарядов.

Девчонки мои видели, как я выходила и держалась за стены, и они сообщили нашему начальству, и до того дошло – это были голодные времена, студенты тоже голодали в Казани – а я каждый день получала за свою работы вот такой кубик сливочного масла и пару чайных ложек сахарного песка. Это во время войны было большим делом. Вот это меня как-то поддерживало.

Нам давали на обед, я помню – мы приходили в Казани в столовую студенческую нашу, нам на обед выдавали всегда пару ложек такого густого пюре из гороха, мы очень его любили, добавляли если мы туда, если еще луковицу покупали, на рынке – на рынке все было очень дорого – и ели это с луком, с кусочком черного хлеба. Мы получали рабочие карточки – все, кто работал на этом производстве у нас, получали рабочие карточки. Так что уже умирать с голоду уже нельзя было – все-таки 800 граммов хлеба. Вот это был наш обед такой. А по воскресеньям, когда в институте был выходной день, мы дружили с одной девочкой, и у меня был аттестат от мужа, он же был у меня военный, он остался тут, на фронте на ленинградском, маме и мне сделал по 450 рублей аттестат. И, значит, на 450 рублей во время войны нельзя было, конечно, много купить, ну, все-таки мы с одной девочкой покупали на воскресенье на двоих, я помню, полкило картошки на рынке, и варили ее, и воду эту пили как супчик, а картошку съедали с луковицей – ну, у кого что было. И до сих пор я этот «супчик» не могу выливать вон. Когда варю картошку, я эту воду вот могу выливать! Я на ней варю суп себе сейчас, варю суп, так чтобы туда я обязательно добавила этот «супчик». И вот так вот мы жили, тяжело, конечно, голодно, но что делать? В Ленинграде голодали больше. У многих остались в Ленинграде родственники...

Вот я помню, в 1943 году или 1942 году нас послали окапывать Казань. Представляете? У нас вообще с собой ничего не было, обуви у ленинградских девчонок не было ни у кого. А казанские девчата, у которых родители жили недалеко от Казани, в Татарской республике – у них у всех были валенки. И вот мы по очереди ходили окопы эти рыть. Значит, сегодня моя очередь – я надеваю ее валенки, и у меня было – свекровь мне всучила – зимнее пальто, я даже очень возмущалась. Она, когда мы стояли здесь, в Ленинграде и ждали своей очереди уехать, стоял большой состав телячьих вагонов – десять нам дали вагонов на всю Техноложку – ну, нам этого хватило вполне. И тогда нас загнали на пару дней в тупик, прежде чем уехать в Казань, потому что в первую очередь пропускали военных на вокзале. Я так сижу, болтаю ногами, жарко было, июль месяц, вдруг я смотрю – мне показалось, что это моя свекровь, но я не могла себе этого представить, как, откуда, где она могла узнать, где стоит Техноложка, когда я сама бы, наверное, не нашла! Тетя Ревекка идет! Два пакета больших несет, я соскочила ей навстречу, говорю: «Тетя Ревекка, что вы тут делаете? И что вы несете?» Она говорит: «Эмма, ты только не волнуйся, я тебе сейчас все расскажу. Я несу твое зимнее пальто и ватное одеяло». Я чуть не упала. Я говорю: «Мы едем в июле месяце, война будет продолжаться ну максимум три-четыре месяца, зачем мне это все?» Она говорит: «Если тебе будет не надо, ты кому-нибудь подаришь, посмотрим. Возьми, я тебя очень прошу». Академия Наук там была, и, конечно. Их так, бедняг, стеснили! У них поотнимали все, что можно было, чтобы только нас тоже забить, всех, кто приехал. Но мы никогда от них не слышали какого-нибудь

слова упрёка, что вот, понаехали тут, нам негде жить – никогда мы от них ничего такого не слышали. Очереди за хлебом начались... ну, это все равно, с нами и без нас было бы. Так вот мы там прожили. Тяжело было, холодно, на стенах был иней, я помню, я надевала на себя это тети-Ревеккино зимнее одеяло, оно мне очень понадобилось. Я бы выглядела очень плохо, если бы у меня его не было. Там же очень холодно, 40 градусов мороза – это у них обычно. И я это одеяло даже не развязывала – как она мне принесла его завязанным. Так я его и положила там где-то возле кровати, в тумбочку, может быть, не знаю, где. Они нам в институте освободили весь подвал, поставили 100 кроватей и сто тумбочек. И это называлось стоместка. Это было место для нас, где жили ленинградские студенты. Здесь было тепло, потому, что шли батареи, а самые благоустроенные несколько комнат были на 4 этаже. Это был Казанский химико-технологический институт, старый институт еще, дореволюционный. И вот на 4 этаже были несколько комнат, в которых жили девочки казанские. Так вот за то, что у меня было ватное одеяло, одна девочка меня взяла к себе в кровать, и мы с ней спали «валетом», она меня взяла в эту привилегированную комнату, так что я не один раз с благодарностью вспоминала свекровь за это одеяло. А когда нас послали окапывать Казань, на окопы, я его взяла с собой тоже. И нас несколько девчонок положили на черный пол, холодно было. Но, в общем, эта хозяйка нанесла нам много сена, постелила на этот черный пол...

– *А что за черный пол?*

– Вот, вы даже не знаете. Это земляной пол, но хорошо утопанный. Он такой даже блестящий оттого, что хорошо утопан, вот на этот пол нас положили спать, и вдруг я достаю это свое одеяло, я его сама не видела. Я достаю одеяло в белоснежном пододеяльнике и фестонами Ришелье вышит пододеяльник! Ну, девчонки как увидели, они сразу как назвали Графиня Балонина, так все годы меня там и звали Графиней. Ну, действительно, на этом черном полу на страшном, подушек тоже не было, сена нам насыпали под голову, постелили, что у кого было, и вдруг эти вот фестоны вышиты... Я до сих пор их помню и вижу. Под мое одеяло поместилось четыре девчонки, мы были все худенькие. Ну, а кому не хватало – тому не хватало. Там уже накрывались своим зимним пальто, кто чем мог. Это вот я тоже помню такой эпизод.

– *А что потом с одеялом стало?*

– Я его везла потом, когда кончила институт – в 1943 году я весной окончила институт, получила диплом, диплом написан на оберточной желтой бумаге, он у меня до сих пор на память лежит. Вместо диплома, корочек – ведь ничего этого не было, даже белой бумаги не было – на оберточной бумаге мы все получили дипломы с печатями, все по всем правилам, но написанный на оберточной бумаге.

Вот я в 1943 году окончила институт, тогда же было распределение, сам себе работу никто не искал, меня распределили, мне дали выбрать: в город Дзержинск под Горьким, под Нижним Новгородом, или под Москву. Я думаю: «Так, где работать, это мне все равно», потому что я ни это не умела, ни это – там был военный завод и тут военный, у меня была такая специальность, сугубо... совсем не связанная с войной. Но я себе подумала, что если я возьму Дзержинск, то там я своего мужа никогда не увижу до окончания войны, а если под Москвой – кто его знает, а вдруг он попадет для чего-нибудь в Москву в командировку? Он под Ленинградом здесь был летным военным врачом. И я как в воду смотрела. Меня послали в Загорск, это близко от Москвы, это военный завод.

Ну, когда в первый раз старший мастер мне стала все объяснять, она мне говорит: «Ну, ты знаешь, что такое порох?» Я говорю: «Я никогда его не видела в глаза, я не знаю, что такое порох» - «Ты не знаешь? Тебе же мы сейчас вручим ключи, ты будешь заведовать порохом на заводе! На всем заводе ты будешь главная по пороху!» И я говорю: «Но я даже не знаю, как он выглядит!» - «Сейчас я тебе все покажу». И показала. Все показала мне, дала ключи от порохового склада, ну там даже не было бандитизма... Это вот разве что сейчас было бы. Даже не могу себе представить такое. А тогда – ничего подобного, заперла на обыкновенный замок, пороховой склад – и все!

– *И ничего не воровали?*

– И ничего никогда не было! Потом я сама стала мастером на этом заводе, мы делали ракеты, цветные бездымные ракеты для фронта. Ну вот, скажем, воинским частям надо договариваться между собой, если ты видишь красную ракету, то мы

наступаем, тогда же не было никаких телефонов, все очень сложно, а если красная ракета – то мы отступаем. Поэтому было очень важно, чтобы никогда не попала в партию, скажем, красных ракет хотя бы одна зеленая. Это могла стоить тысячам солдат и офицеров жизни. Ну вот, и я работала там, и вдруг я получаю от мужа письмо, все-таки тогда письма уже ходили, и даже в Казани я от него получала письма, отсюда из Ленинградской области.

– *Вас сразу из Казани распределили?*

– Да, в Казани меня распределили туда. И вдруг он мне пишет: «Ты знаешь, я, наверное, в таких-то числах буду в Москве. Конечно, мы с тобой увидимся». Мы уже с ним год не виделись, мы только поженились и целый год не виделись.

– *А детей у нас не было до войны?*

– Детей не было, да. И, действительно, у них очень тяжело раненого летчика надо было везти на самолете в Москву, и мой муж должен был его сопровождать. А потом он ко мне приехал. Я плакала всю ночь. А сейчас мой сын в Вене. Его туда пригласили поработать на год, ну, он поехал, год там проработал, и мы все думали, что он уже едет домой, так без него скучали, а он вдруг получает приглашение еще на пять лет! И все, и теперь он там работает, там он получил большое повышение сейчас, имеет даже дипломатический статус... Ну, в общем, он такой парень честолюбивый...

– *И вы вот так всю жизнь и ездили с мужем?*

– Все время с мужем ездила.

– *После Украины вы где были?*

– На Украине в 1958 году он демобилизовался, и все – и после этого мы уже не разлучались никогда, мы всегда и в отпуск вместе ездили, все вместе. Потому что мы уже нажились врозь достаточно.

– *И здесь уже в этом доме все соблюдали традиции?*

– Да. Это да. Потому что еще пока была жива его мама, и тетки жили – все соблюдалось. И даже когда свекрови моей уже не стало, моя золовка, ее дочка, как мама делала – так и она делала. Созывала нас – вот они уже в Купчино получили квартиру – она нас всех звала на праздники, и у нее уже все делалось точно так же, как у мамы.

– *А какие праздники праздновали?*

– Праздновали все праздники. Всегда, вот Пасха когда, она научилась такие бомбы делать, и даже бисквиты из этого *МАЦАМЕЛ*, ну, мацовой муки, у нее такие бисквиты шикарные получались! Вот я вообще пеку хорошо и всегда много пеку, но вот бисквиты у меня не получались так как у нее, такие пышные. Ну, потом на Хануку, например, всегда у нас был очень вкусный сладкий стол, ну, все что полагалось. Она все у мамы переняла.

Ну вот, и только вот последние несколько лет это все расстроило нас, потому что она заболела очень, золовка стала плохо себя чувствовать, перестала выходить на улицу, вторая, вот этого брата жена уехала в Германию, внук мой уехал, и вот сын теперь далеко... Ну, теперь мы друг друга, конечно, только по телефону уже поздравляем, или вот такой праздник, как вчера – снятие блокады, конечно, мы поздравляли все друг друга, все меня по телефону вчера поздравляли, все знают, что я болею, поэтому я не могла ничего особенного устроить, так бы я, конечно, сделала, хороший стол бы приготовила, сейчас не могу такого ничего сделать...

– *И какие же у вас еврейские блюда на столе были? Вы сказали, что в праздники на столе было все, что полагается, а какие именно блюда были?*

– Ну вот, например, на Пасху свекровь всегда делала пасхальный обед. Она всех приглашала, собирала человек, наверное, восемнадцать – нас много тут было. И она делала обед. Значит, вот я помню, на закуску на обед полагается так: крутые яйца, каждому на тарелку кладется крутое яйцо и ставится хрустальная ваза с соленой водой. Это потому, что когда евреи выходили из Египта и по степям шли, там же ничего не было. И маца. Так вдруг на них высыпалась манная крупа, и они эту крупу с водой – значит, делали такие лепешки – ну, это имитируется мацой, эти лепешки. Ну, это делала свекровь, так полагалось, так все делали. Мы были у их друзей всегда – там тоже самое было. Значит, каждый кладет себе на тарелку крутое яйцо, мы его разрезаем, наливаем сюда ложкой немного этой соленой водички, ну и при этом закуска – фаршированная рыба – обязательно, так как свекровь моя фаршировала рыбу – никто не умел. Ну, потом уже я и я делала,

и золовка моя делала, мы все делали, и даже мои племянницы в Минске тоже делают очень вкусную фаршированную рыбу, но так как у свекрови получалось – ни у кого. Вот каждый раз стояли и смотрели, как она делает, учились – все равно не так получается. Ну, закуска была хрен, обязательно со свеклой – такой темно-красный хрен, все это делали дома, все натирали, готовое не покупали, потому что у них лишних денег никогда не было в доме. У них был открытый хлебосольный дом, к моему мужу, когда еще были молодые, приходили друзья – всех сажали за стол, все обедали. Ну, а на праздник, конечно, были родные только. Значит, вот, делали, я помню, свекровь всегда делала паштет из печени. Говяжья печенька, свинины у нас в доме вообще никогда не было никогда, они не ели. Потом это уже мы так, стали грешить, покупали себе ветчину иногда, но свекровь – никогда.

Как-то у мужа в блокаду им давали, ну, это были такие котлеты, в основном, из хлеба, конечно, но все-таки там мясом пахло, и один солдат тут ездил и возил картины в Лисий нос для офицеров в клуб, возил каждый день новые картины из Ленинграда, менял картины. И мой муж познакомил его этого – Иван Сергеевич его звали - с моей свекровью, он заезжал сюда, брал картины, и до поезда было еще несколько часов – тогда же не ходили так часто поезда – ну, скажем, в Лисий нос ходило два поезда в день – так этот Иван Сергеевич приходил сюда, а он еще приносил с собой свой кусочек хлеба, у свекрови моей тут всегда стояла буржуйка, на ней всегда был кипяток, и они с этим Иваном Сергеевичем пили этот кипяток с кусочком хлеба, и она его укладывала спать. А он очень хотел спать – во-первых, он рано вставал, поезд очень рано был всегда, ну, и мы были рады, что мама тут не одна, с ней Иван Сергеевич, а он был рад, что приезжал в хороший дом, не надо было торчать на вокзале, ждать этого поезда. И вот этот Иван Сергеевич в очередной раз когда приехал, им давали там в Лисьем носу на обед какую-то котлету, так муж мой не ел эту котлетку, он ее прислал маме с Иваном Сергеевичем. И вот прислал он маме эту котлету, ну, мама, конечно, была не сытая, как вы понимаете, но она ее не стала есть, она ему, когда он приехал домой там через пару дней – он тоже часто приезжал домой, потому что это близко было, и она ему говорит: «Ика, если я уже прожила такую жизнь, и пережила такую блокаду, я не ела свинину, неужели сейчас, на старости лет я ее буду кушать? Ты не обижайся, но я эту котлетку есть не буду», ну он сам ее съел, что делать, если мама не хочет. Ее сестру уже отправили в тыл, к этому вот младшему сыну, значит, там была его жена, с невесткой сразу уехали отсюда из Ленинграда. Потому что она окончила институт и получила назначение куда-то там в тыл, ну а у меня вот так вот получилось. Ну, вот, и она не стала кушать эту котлету. Она была очень выдержанная, вот они здесь оставались в блокадном Ленинграде, так тяжело жили и все, так они, золовка моя и тетки обе, которые были с ней, говорили: «Нас только спасла Ревекка, если бы не она, мы бы не одна с кровати не встали, она нас поднимала, нам было так тяжело, и так плохо, мы так похудели, кушать было нечего...» Она их поднимала с кровати, не разрешала лежать днем в кровати. Она заставляла их менять белье, у нее белья было очень всегда много, она была хозяйка, они не были богатыми, но она была очень хорошая хозяйка. У меня до сих пор еще – я уже убрала в диван, мне не надо столько белья, но когда я перебираю где-то, мне вдруг встречается еще тети Ревеккино белье, с вышитыми ее инициалами, она была такая хозяйка хорошая. Еще ее наволочки у меня лежат, уже и этих подушек у меня нет, я их, слава богу, сбагрила старшему сыну, у них в прошлом году из Израиля приехали друзья, им нужно было еще две подушки. Я говорю: «Мишуля, ради бога, возьми эти подушки, а потом я тебе соберу все наволочки – тоже отдам» Ну, наволочки еще пока их нет – так я еще и не собрала, а подушки они уже забрали. У них большая шикарная квартира, большая спальня, и такие подушки как раз придутся. А мне куда эти большие подушки?! У меня и так на кровати четыре подушки. Куда еще?

– *Ну понятно. А многие из ваших друзей уехали в Израиль?*

– Ну вы знаете, я бы не сказала, что многие. Потому что вот одна семья, потом дочка моей подруги, которая вот там умерла, эта семья тоже уже умерли, но остался у них сын с детьми – две семьи, потом наш двоюродный брат, который я вам рассказывала, что я испугалась, что это беспризорник, ну, он стал уже директором школы, был очень всеми уважаемый человек, они жили в Перми. Они жили на Украине, а потом, когда началась война, их эвакуировали в Пермь, и они там остались, уже не вернулись туда, откуда приехали. Ну, вот он там был

директор большой школы, вот его внук уехал в Израиль и прожил там много лет, у него уже там дети, русская жена с ним туда поехала. Но вот теперь – мы не можем с ними поговорить, не будешь же про такие вещи по телефону спрашивать – почему они уезжают из Израиля, получили уже прошли все проверки и все, разрешение в Канаду. Вот он должны переезжать в Канаду. Канада очень строго берет людей, она не берет лишь бы кого. Во-первых, там возраст молодой должен быть, работа должна быть такая, которую там он найдет. Он программист, очень хорошо работает там в Израиле, но вот почему-то уезжает оттуда. Ну, в общем, четыре-пять семей у нас таких знакомых. И даже если поехать к кому-то – даже я не знаю, таких родственников нету.

– *А самой вам никогда не хотелось уехать туда жить?*

– Нет, мне нет, потому что там очень жарко, а я очень в последние годы из-за давления плохо переношу жару. Так что со мной даже этот вопрос не стоял, а муж мой такой был противник почему-то Израиля, что он говорил: «Со мной на эту тему даже не разговаривайте». Не хотел. А его самый очень близкий друг один уехал с женой туда. Ну, сейчас их обоих уже нет, но остался там их сын. Работает, он звукооператор, он и здесь был звукооператором, и там хорошо устроен. Хорошо работает.

– *А в советское время иметь знакомых за границей...*

– Это малопривлекательно было, об этом даже особо не распространялись.

– *Просто вы сказали, что по телефону не спросить...*

– Нет, это скорее просто, почему он там не живет, в Израиле. Все-таки оттуда уезжать не все хотят, многие живут и очень довольны. Ну, вот такую причину, может быть, по телефону и нельзя рассказывать, поэтому мы его и не спрашивали. Вот особенно семья моей золовки с ними дружит. У нас как-то так получилось, что с тем поколением, которое осталось от наших тети с дядей одни дружат с одним, скажем, братом, а вот мы вырастили их дочку, во-первых, а во-вторых ее родной брат, он уже давно в Таллинне, он уже умер, наверное лет шесть, мы с ним тоже очень дружили, потому что его мой дядя забрал. Значит, он у них жил и рос. Ну так как-то получилось: одни больше с одними, другие с другими. Вот это их внук хочет теперь уезжать из Израиля. Уже, наверное, скоро будет ехать. Родился маленький недавно там, в Израиле, наверное, немножко его там подрастят, чтобы было несколько месяцев хотя бы девочке, и, наверное, поедут.

– *Ну, вот я вас и не спрашивала, а вы мне все сами рассказали по вопросам, как будто угадали. Остались такие вопросы, в основном по политической ситуации после 50-х годов.*

– Ну?

– *Как вообще обстояла ситуация...*

– Нет, у нас в семье все было спокойно, все работали, все были на своих местах, муж у меня был военный, в 50-е годы мы жили на Украине...

– *На Украине вас никто не притеснял из-за того, что вы евреи?*

– Нет, ну что вы, он вообще всегда очень хорошо сходил с людьми, он был очень высокообразованный человек с очень покладистым характером и с большим юмором – вот это, наверное, больше всего его спасало от всяких таких дел. Нет, никаких таких... Чтобы подвергаться чему-то – этого не было...

– *А о войнах в Израиле вы знали? В 67 году была война...*

– Что за вопрос, конечно, еще как. Знали, и очень за них радовались, надо сказать. Может быть, это не так модно, но так было. Радовались. Очень болели за них, не за арабов, как ни крути, мы же евреи.

Но, надо сказать, что в нашей семье никогда национализма никакого не было, у меня оба сына женаты на русских девушках, мы очень дружим с их родителями, и до сих пор я дружу с невесткиной мамой, она тоже 1920 года рождения, но она не ходит, у нее плохо с ногами, уже пять лет не выходит из дома. И с папой с ее очень дружны были, так что у нас этот вопрос никогда не стоял.

– *Вы как-нибудь сейчас участвуете в еврейской жизни? Может, как-то общаетесь с общиной? Вот вы сказали, что в синагогу иногда ходите...*

– Ну, вот я иногда... Вот 15 лет назад я никогда не забуду, в синагоге был концерт, там были канторы, приглашенные из других стран, я уже не помню. И они давали концерт. И они на меня произвели такое впечатление, что я сидела и плакала весь вечер, слушала их, такой был концерт!.. Ну, а так, иногда захожу все-таки, редко, но все же захожу. Хочется зайти и просто побыть другой раз...

- *А вам как-нибудь помогает община?*
- Помогает. Во-первых, я на каждые праздники присылают, ну, наверное, три-четыре посылки в год. Они нам присылают такую посылку, в которой, ну, килограммов шесть продуктов разных: там килограмм риса, килограмм сахарного песка, килограмм муки, потом изюм, на новый год присылают всегда сладкое что-то, баночку меда, ну, в общем, помогают. В этом году, я поняла, у кого маленькие пенсии, у меня пенсия 1900 рублей, они меня вдруг вызывают: «Вам положено что-нибудь из одежды, что вы хотите? Выберите себе». Я взяла обувь, там у них хорошие были такие зимние сапожки, ну, я думала отдать их племяннице, она молодая, но я потом поняла: она не будет носить такие. Потом я ее спрашиваю: «Анюта, ты бы носила?» – «Ну что вы, тетя Эмма, нет, конечно!» Ей надо хорошо быть одетой, она работает... Они сдают в аренду. Она говорит: «Я же хожу, показываю квартиры, я должна быть хорошо одета». А вот в первый раз, когда меня позвали несколько лет тому назад, они мне предложили хороший такой вязанный костюм. Жакет и свитерочек. И тут я уже брала специально для нее, я взяла такой нетемный цвет – очень хорошо! Она померила – просто замечательно! Ну, я ей, конечно, с удовольствием это отдала. Потому что я одета-обута с ног до головы, у меня все есть. А она – нет. У них как-то очень с деньгами тяжело, и мы все стараемся как-то им помогать. И недавно вот мне привезли... Мне говорят: «Никуда завтра не уходите, будьте завтра дома, мы вам привезем посылку». Вваливается дядька вот с таким огромным пакетом, я говорю: «что там такое, что вы мне везете?» – «А тут постельные принадлежности». Я посмотрела – вот, вот эта подушка оттуда, а больше мне, конечно, ничего оттуда не надо, я все убрала в диван, думаю: вот, анютина дочка будет выходить замуж – это ей прекрасное приданое, все это ей отдам. Так что иногда вот что-то перепадает нам. На праздники мы всегда получаем хорошие посылки. Ну, скажу вам, я не нуждаюсь в этом, я могу половину отдать своей родственнице какой-нибудь, что ей нужнее там.
- *Вы знаете, что за организация вам помогает?*
- Да, наша организация, где я получаю – это «Ева», это такой филиал. И Хэсед вот этот. Это все идет оттуда.

Мой сын сейчас в Вене. Его туда пригласили поработать на год, ну, он поехал, год там проработал, и мы все думали, что он уже едет домой, так без него скучали, а он вдруг получает приглашение еще на пять лет! И все, и теперь он там работает, там он получил большое повышение сейчас, имеет даже дипломатический статус... Ну, в общем, он такой парень честолобивый... Двое детей у него: Константин и Полина. А у младшего, у Яши – один. Михаил. Но Яша рано умер,

Заполняем семейное древо.

- *А другой внук, старший – вот он.*
- *А внучка чья?*
- Внучка тоже старшего сына.
- *То есть у старшего двое детей, а у младшего...*
- Да, у младшего один. Ну, младший рано умер. У него остался один мальчик.
- *А когда он умер?*
- Он умер в 1993 году, в сентябре 1993.
- *А как внуков зовут?*
- Внуков зовут: старшего – Константин, второго внука Михаил, а внучка Полина.
- *А Константин – Михайлович?*
- Да, Константин Михайлович и Полина Михайловна. А Михаил – Яковлевич.
- *Ну, тут у меня вопросы про вашего отца...*
- Ну, отец у меня был... по профессии учитель.
- *Учитель чего?*
- Он преподавал в высшем учебном заведении – тогда были общественные науки: марксизм, ленинизм, тогда были вот такие общественные науки.

- *А в каком вузе он преподавал? Как этот вуз назывался?*
- Это Гомельский Педагогический Заочный Институт был. Или вечерний или заочный... Наверное, и то и другое. Он был там директор и преподавал вот эти науки. У него не было образования, просто он сам очень много учился и над собой работал...
- *А какой язык для него был родным?*
- У него?
- *Да, я вот и сама не знаю, что считать правильным... Идиш?*
- Еврейский, все-таки, наверное, еврейский у него был родной. И еврейский и русский. Я думаю вот так.
- *А вы знаете что-нибудь о братьях и сестрах вашего отца?*
- Знаю, я могу узнать у моей этой родственницы. Ну, а какое это имеет значение? Быть может, кто-нибудь их будет разыскивать? Так их нет уже...
- *А где ваш отец находился во время Холокоста? Вы знаете?*
- Да, я знаю. Он был уже в возрасте, он уже не служил, не был военнообязанный, он находился в эвакуации в Горьком. Холокост – это вторая половина войны, да? В Горьком он находился.
- *Ну вот еще теперь: дедушка со стороны отца. Это совсем далеко. Вы сказали, что он был очень религиозным, работал в синагоге, да?*
- Это дедушка – папин папа?
- *Да, как его звали?*
- Израиль. У них даже не Израиль, а Исрол. Потому что папа был Мендель Израилевич, а он был Исрол. Вот так его звали.
- *Вы не помните отчества дедушки?*
- Отчества я его не знаю.
- *А дальше про бабушку тоже со стороны отца поговорим. Как ее звали?*
- Ну, она домашняя хозяйка была, нигде не работала, растила детей.
- *Вы помните, как ее звали?*
- Нет, не помню. Я маленькая была всего один раз у них, так что я не знаю.
- *А она где была во время Холокоста? Также в Горьком?*
- Нет, они эвакуировались и были где-то в середине страны, только я не знаю, где точно.
- *То есть они не были вместе с бабушкой, их разлучили?*
- В Горьком был мой папа и мама.
- *Что-то я запуталась. Давайте сначала.*
- Вот смотрите, про кого вы спрашиваете? В Горьком были мои родители.
- *А дедушка с бабушкой?*
- А дедушка с бабушкой где-то были в Сибири, по-моему. В эвакуации тоже, они были с дочками, наверное, своими. Мы как-то с ними не переписывались, папа с ними в это время не переписывался. В начале войны все потеряли друг друга, никто же не знал, кто куда бежал, кто куда уезжал. Потом уже стали один другому посылать весточку, где, куда делся, где живет, а так вначале же вообще никто ничего не знал. Я тоже не знала, где мои родители. Родители остались с моей сестрой, старшая сестра тоже эвакуировалась в Горький, потому что у нас там племянница была, одна из тех детей, которые когда-то остались без родителей, она у нас училась в университете, окончила химический факультет университета в Белоруссии, в Минске, по-моему. Она окончила и получила назначение под Горький, она жила под Горьким, к ней эвакуировались мои папа с мамой, уехали в Горький, там у них была еще одна племянница, я ее не знаю.
- *Теперь понятно. А дальше про маму тут спрашивается. Маму звали Соня, да? Отчество я забыла...*
- Софья Абрамовна.
- *Где и когда она родилась мы говорили...*
- В Прибалтике где-то, в 1896 году, наверное вот так. Ей было 53 года, когда она умерла в 1946 году... Значит, в 1897 она родилась. А папа, наверное, в 1893, что-нибудь так.
- *А где и когда они умерли?*
- Папа у нас умер в Горьком, он работал, и одежды они с собой всякой теплой они не успели взять, мама только успела запаковать зимнее пальто всем. Ну, конечно, он работал там на какой-то работе экспедитором и простудился сильно,

получил пневмонию, а тогда пенициллин достать было невозможно, негде было – и он умер, не могли его вылечить.

– *А мама?*

– А мама умерла у меня. Значит, сестра моя младшая тоже служила в армии, ей исполнилось 19 лет в 1941 или в 1942 году, и ее мобилизовали в армию. Потому что она еще не успела устроиться на работу, они только приехали в эвакуацию в Горький. Она всю войну отслужила в армии, и когда кончилась война здесь у нас на западе, она рассказывала: «Всех нас погрузили в большие такие грузовые машины и стали нас везти на восток. Все думают, что нас везут не демобилизацию. Вдруг мы видим, что Москву мы уже проезжаем, и за Москву мы едем, и Урал мы проехали, и Сибирь мы проехали – поднялся такой рев, крик, плач...» А тогда началась война в Японии, и их повезли туда на эту японскую войну. Ну вот, и она успела там повоевать до конца войны, она и ее муж будущий, он был их командир. Это был такой бабский батальон, а он был их командир. Они потом поженились с ней. И до сих пор хорошо живут. Их вот сын теперь за мной ухаживает, он мне приносит продукты и в основном со мной. Военное училище, он полковник, недавно сам демобилизовался, стоит под Ленинградом. Вот, я забыла название... Ну, не важно. Здесь близко. Горелово называется. Ну вот, и мама, значит, когда маму демобилизовали, уже кончилась японская война, 4 сентября кончилась японская война, и сестру и ее будущего мужа демобилизовали. А мама осталась жить в Горьком, она работала в детском саду, очень тяжело заболела, рак у нее был. Вот сестра, как только ее демобилизовали, она поехала в Горький за мамой, и привезла маму ко мне, а я тогда жила в Таллинне. Значит, она перевезла маму сначала сюда, и муж мой тоже приехал сюда, он взял маму под руку и объездил здесь всех, какие только были светила по гинекологии, никто оперировать ее не брался, уже было поздно. Ну, одни, заведующий кафедрой первого медицинского был такой профессор Рабинович, сказал: «Ручаться при таком состоянии мы уже не можем, но риск маленький». И она умерла у него прямо на столе во время операции.

– *А ее братья и сестры?*

– У нее много было, одиннадцать братьев и сестер.

– *А давайте попробуем их по именам вспомнить, сколько сможете.*

– Была сестра, Хая-Рейзе ее звали. Два имени у нее. Я не помню... не помню, сколько всего было братьев и сестер.

– *Ну, ничего страшного. А дедушку с материнской стороны вы помните?*

– Она сама его не помнит. Он рано умер. У них рано родители умерли.

– *Вы не знаете, почему? Если рано они умерли. То, может быть, они погибли?*

– Погибать тогда ни с чего было, просто умерли. От болезней.

Смотрим фотографии.

Ну, вот это вот наш папа, мы его никогда папой не называли, только папочкой.

Это здесь мы с моим старшим сыном, который в Вене сейчас, а это уже второй мой сын, младший, и это мы жили на Украине – он там родился у нас, это уже после войны было. Вот наш сын Яша там у нас родился.

Вот это наш Лев Яковлевич, профессор наш ленинградский, он даже за границей был известен, потому что когда была панихида, из нескольких стран из-за границы пришли телеграммы по поводу его смерти, известный был ученый, остались его книги, много книг он написал, был очень способный человек.

А это моя свекровь с моим сыном, ему на долгие годы. Это уже их фотографировали, ему, по-моему, года четыре.

А это вот мой муж, моя свекровь, это я, это тетя Тойба, ее сестра, а сзади кто-то из детей, да? Миша, старший. Мише здесь года четыре, наверное, это сорок восьмой год. Миша родился в сорок четвертом.

А вот здесь уже мой второй. Это вот Миша, Мише уже здесь девять лет, он на девять лет старше. А этому несколько месяцев еще. А это я. И это мы дома.

Это вот сестра моей свекрови. Тетя Тойба. Она сними всю жизнь жила, она детей моей свекрови помогала, и мне помогала. Всем. Мне вообще с ними жилось очень хорошо.

Это моя золовка. Она тоже участник войны, тоже служила в армии, здесь, на ленинградском фронте.

А это вот Мишка маленький, мой муж и я – где это мы?.. Где-то в саду.

А это вот я уже была беременная Яшей, вот Миша уже такой, ему девять лет скоро будет, это моя золовка, это ее муж, тоже был врач-невропатолог – главный невропатолог Октябрьской железной дороги он был в последние годы.

Это мой муж, он военный был в то время, они все участники войны, у всех у них масса благодарностей, масса орденов – все это есть.

А это вот тоже у нас дома, вот в этой квартире, в этой комнате – это жена Льва Яковлевича, второго сына моей свекрови. Она сейчас еще жива, уехала в Германию. Я говорю ей: «Чего ты едешь, чего тебе там?..» Мы очень дружили с ней тоже. Она говорит: «Эмма, я очень рассчитывала на тебя с Маней, что вы меня похороните, – она старше нас на полтора, на два года, – а теперь я вижу, что вы стали обе такие больные, еле ходите, и кто меня похоронит? Там, по крайней мере, если я иду в дом престарелых, все мне обеспечено». Она пошла в дом престарелых, ей там дали шикарную квартиру, в прошлом году я была приглашена к ней, она мне сделала приглашение, и я у нее пожила одиннадцать дней, мы так хорошо с ней пожили, потом я уехала в Вену к сыну. Там еще в Германии жил мой внук, который сейчас уехал в Америку – за любовью понесся, ну любовь, дай бог.

А это вот моя родная сестра Клара. Она сейчас живет в Вильнюсе, в Литве. Вот к ней я собираюсь ехать.

Вот это фотография – это мой свекор. Он в 1940 году умер. Еще успел наш брак благословить со старшим своим сыном.

Это моя свекровь уже держит родившуюся внучку моей золовки, эта внучка, Аня, вот она сейчас за мной ухаживает, приносит мне все, помогает.

А это я, это мой муж, это тетя Тойба, это моя свекровь тетя Ревекка, это Лев Яковлевич вот этот второй ее сын, а это моя золовка со своим мужем.

Это их вот свадьба, их. Моего мужа здесь не было, он был в Германии. Он сразу после войны был послан в Германию, были созданы в Германии советско-военная администрация, в которой работали советские люди, чтобы им насаждать, так сказать, наши... Немцам надо было учиться, нам надо было учить немцев здравоохранению. Тогда у них, он рассказывал, такое здравоохранение, которое нам не снилось, наверное, через сто лет. Ну, в общем, он служил в войсках советской военной администрации в Германии сразу после войны четыре года. Поэтому его здесь нет на свадьбе. Вот это я, это Лев Яковлевич, это жених, вот этот невропатолог, это невеста, моя золовка, а это вот Ада, та, которая сейчас в Германии, второго сына ее жена. А эти вот двое – это родственники жениха, этого врача-невропатолога, он мне шурин, что ли... они оба пианисты, он был преподаватель в Консерватории у нас, класса пианино, а она была концертирующая пианистка, она когда-то в Париже кончала, потому что она была не в Советском Союзе, она жила в буржуазной Эстонии, у нее была возможность уехать учиться в Париж. Ну, она там кончила парижскую консерваторию, она была очень хорошая пианистка. Сейчас они оба живы, очень старые, в Израиле. Он – Исаак Моисеевич, Милаковский, ой, нет, Милаковский – это жених, а этот Исаак Моисеевич, а она – Мария Яковлевна. Он профессор нашей консерватории по классу фортепиано, фамилия его Слоним. Нет, запуталась. Так. Это – Лев Яковлевич, младший сын моей свекрови, вот жених, и вот невеста, моя золовка. Это Исаак Моисеевич, она – Мария Яковлевна. А это Ада, которая сейчас в Германии, это его жена. Мы с ней всю жизнь очень дружили, и сейчас дружим, скучаем друг по дружке. Теперь: это – Мария Яковлевна, моя золовка, это ее свадьба вот с этим Милаковским. Это родственники Милаковского, это профессор нашей Консерватории по классу фортепиано, фамилия его Слоним, Изя мы его все звали, Израиль он, а по отчеству я не знаю, мы его никогда так не звали. А ее зовут Зельма Тамаркина, не Роза Тамаркина, наша знаменитая пианистка, но она тоже была очень хорошей пианисткой.

Эта фотография, сейчас я вам скажу, это они были... Вот друзья моего вот этого двоюродного брата, который тут учился в заочном университете, Исторический факультет, и вот это двоюродный наш брат от другой маминной сестры, который остался маленький, он окончил медицинский институт в Москве, был очень хороший, между прочим, врач по туберкулезу, фтизиатр, он не очень давно умер, долго, слава богу, жил, и нас всех радовал. Вот это все их компания. Ну, вот это Лев Яковлевич, мой деверь, младший брат моего мужа, это Калман, наш двоюродный брат, это Мария Яковлевна, золовка моя, это Давидка вот этот, которого я испугалась, думала, что беспризорник

идет, а вот этого я не вижу... Это не свекровь ли наша? Тогда это все их друзья из компании. Они одно время были в одном детском доме, как-то так получилось, что они попали все вместе, был такой интересный детский дом, вроде как Макаренко, вот у нас был такой знаменитый педагог Макаренко, его детский дом славился на весь мир. Потому что там были порядки были совершенно другие. У них наказывали тем, что не разрешали работать. А они хотели что-нибудь делать, работать. А раз он наказан. То он сегодня не работает. Вот если он тихонько где-нибудь начинал там пилить или что, то был всегда мальчик, который приходил к заведующему, и говорил: «А он пилит, а ему нельзя пилить сегодня». Вот такие они были хорошие друзья. Что, вы видите, все уже взрослые люди, все уже получили хорошее образование, учились, как могли, голодали – но учились. И вот до сих пор они дружили – до самой смерти. Я тоже знаю его друзей, которые приходили, когда он приезжал к нам, они к нам приходили сюда, чтобы с ним повидаться, посидеть, вот я их тоже всех знала. У меня даже есть их телефоны до сих пор, хотя их, наверное, уже тоже нет.

А вот это мой шурин, у которого там свадьба, вот этот Милаковский.

А это уже Марии Яковлевны дочка, это Анюта.

Это вот Лев Яковлевич, а это мой муж. Это все тут, это все дома. Кто-то нас фотографировал, кто-то, наверное, имел аппарат...

Так, теперь вот это: это дочка вот этого историка, который тут на заочном учился, нашего двоюродного брата. Это его дочка Искра, она недавно погибла в Израиле. Попала под машину, представляете?

Это моя родная сестра Клара, которая в Литве сейчас, а это вот наша племянница, вот старшей нашей сестры дочка. Она, вот видите, большая девочка. Как-то она приехала в гости к ним, и приехала туда моя сестра. Вот они и сфотографировались.

А вот это моя старшая сестра Мира со своим мужем, он тоже участник войны, очень тяжело выходили из окружения во время войны, дышали через соломинку в болоте где-то, скрывались от немцев.

А вот это я и моя сестра и вот эта Сима, про которую я рассказывала, кончила химический факультет. Это наша двоюродная сестра, но это не так, которая с нами жила. С нами жила Мира, а это Сима. Но тоже она у нас много и часто жила, потому что ей некуда было деться. Это тоже дома. А может, в студии. Но, во всяком случае, они часто приезжали в Ленинград. Сима часто, и моя сестра. Мне здесь что-нибудь лет восемь, сестре было лет пять. Что-нибудь около тридцатого года.

Это вот моя фотография в Казани во время войны. Это все казанские мои однокурсники.

Это мои фотографии, вот здесь я была уже, наверное, студентка первого курса, или в последнем классе школы.

А вот я с Klarой и младший сын. Это на черном море. Мы туда каждый год ездили отдыхать вместе, отпуск мы всегда проводили вместе с сестрой, с ее мужем, дети наши дружили – все вместе.

Это я, вот мне здесь года полтора... Маленькая была.

Это мы здесь фотографировались в Ленинграде, я уже была замужней. Я в двадцать лет вышла замуж.

Это мои большие друзья, наша компания. Это вот мальчик из моего класса, мы в старших классах с ним дружили. Вместе приехали сюда учиться и думали, что мы поженимся, но появился мой Балонов и все перевернул. Буквально за месяц до моей свадьбы никто не знал, за кого я выхожу замуж. Это был мой двоюродный брат, он был военный, он часто дома не жил. Но когда он приезжал на выходные, я тоже здесь бывала, у нас давно с ним были симпатии, но о замужестве с ним я не могла даже думать, он был взрослый человек уже, врач, у него была своя компания, а я сюда девчонка приехала, мы подружились очень с моей будущей золовкой, с Марией Яковлевной. Ей было 15 лет, а мне было 18, ну, а мой муж будущий, он нам всегда покупал билеты в театры, давал на пирожные деньги, ну, как к детям он относился к нам. Мы, значит, много ходили в театры, на концерты, очень подружились с ней, и до сих пор с ней дружим... А у него была своя взрослая компания, совершенно мы их никого не знали, ну вот только друзей двух, которые на всю жизнь остались друзьями. Ну, а потом как-то вот так получилось: он мне несерьезно сделал предложение, я ему несерьезно ответила, за месяц до его поездки, ему было сказано завтра ехать а Москву на месяц, у него там были сборы какие-то военные. А накануне этой поездки мы обрались в то маленькой комнатке, посидели, покушали, выпили с его друзьями, а потом он вдруг спрашивает: «Ты выйдешь за меня замуж, когда кончишь институт?» Я говорю: «Выйду». Совершенно

вот так ляпнула, не думая ни о чем, я думала, это шутка. «А раньше выйдешь, если не кончишь институт?» – «Выйду». И все равно он на следующий день уехал. И тут я получаю от него такое письмо, что он счастлив, что мы поженимся, что я буду его женой. Тогда я только подумала: «Что случилось? Почему это он так пишет мне?» Я все вспомнила вчерашнее, как была трепотня просто – оказалось. Что серьезно и на всю жизнь. А тому молодому человеку я даже не сказала, но он уже чувствовал, потому что он меня часто провожал, куда бы я ни ходила, и тут я начала часто сюда ходить. И он меня провожал сюда. «Ты к брату, опять ты к брату?» Я говорю: «Да». И он меня провожал до дома и потом уезжал. Потом я вышла замуж, была моя свадьба, я не знаю, он знал или не знал, но наша общая подруга, с которой мы вместе в классе учились, моя очень закадычная подруга навсегда была, и она с ним тоже дружила, и она пошла «Эмма, я иду сказать Грине, что ты вышла замуж». Я говорю: «Ну, сходи...» Она говорит: «Он так рыдал, когда я ему это сказала, так плакал» Он не мог поверить, что я вышла замуж. Ну, и потом он тогда ушел из нашего института, он со мной вместе поступил в Техноложку, чтобы быть возле меня. Ну, а когда он услышал, что я вышла замуж, он ушел из Техноложки, он всю жизнь мечтал быть врачом. И вот он кончил Первый Медицинский институт, он, кроме того, был очень хороший футболист, вообще очень хороший спортсмен был, очень серьезно занимался футболом. Ну, его как-то вызвал заведующий кафедрой терапии, профессор Ланк, академик, по-моему, он был, и сказал: «Вы должны что-то выбрать, или футбол, или медицину» Ну, он выбрал медицину, кончил институт, он был много лет заведующим... Главным терапевтом и кардиологом больницы имени Дзержинского. Железнодорожная больница.

Это моя школьная компания. Это я с мужем моей самой близкой подруги. С которой мы с пятого класса всю жизнь сидели вместе за одной партой, и всю жизнь дружили вместе.

А это вот я в Эстонии, муж служил в Эстонии, приехала ко мне моя сестра. Это Таллинн. Очень хороший городок Таллинн, очень маленький по сравнению с Ленинградом. В Таллинне мы встретили конец войны. Когда ночью моему мужу позвонили и сообщили, что подписана капитуляция, на завтра весь Таллинн был на Ратушной площади, весь город вышел, не смотрели уже, эстонец или русский, весь город танцевал, весь город обнимались, целовались, плакали, что творилось!

А это я на работе. Я уже работала в Химфарм институте токсикологии. Вот я в своей лаборатории.

А это в то же время я отдыхала в Гаграх. Встретила там нашего сослуживца своего. А мой муж в это время служил в Германии и не мог с нами поехать.

Вот это на юге где-то, это мы все были в Сочи. Вот это Зина, московская эта подруга, а это моя Клара и ее уже маленький сын, у нее уже родился теперешний мой племянник, который за мной ухаживает, и делает мне все и помогает, Сережа – вот он.

На море мы ездили каждый год, с тех пор, как начала работать, и вот сестра моя с мужем, а здесь – с сыном, а я со своими. Когда можно было, когда муж был не на службе, когда у него был отпуск – и он к нам приезжал.

Это вот моя вторая школьная подруга – Сара. Мы тут все уже студенты, по-моему, мы с ней много-много лет дружили, это из моего класса девочка. Много лет дружили с ней, потом у нее уже сын был большой – и он с нами тоже. Потом я ему звоню как-то, а он мне говорит: «Тетя Эмма, а мама умерла».

А это вот наша группа институтская. Мы как-то в Гомеле собрались все, наш класс. Все уже были взрослые, у всех уже были семьи, дети, была какая-то годовщина окончания школы. Вот это все наши школьные друзья. Мы приехали – была такая страшная жара, когда мы выезжали, а приехали в Гомель – собачий холод! Так на нас там недели все что только можно было. Мы приехали в летненьких платицах. Думали, что мы едем в южный город. Это наша школа.

А это вот в Сочи я. В теннис, как вы понимаете, я никогда в жизни не играла, поэтому у меня две ракетки, а не одна.

Так, это когда муж мой демобилизовался, мы жили в Германии, это был 1958 год. И пока он все документы оформлял, мы уехали в Киев. Там есть чудное место Бучанка. Клара, моя сестра туда приехала со своими детьми и я туда же. Очень было хорошее место.

А это вот моя сестра Клара и это наша гомельская соседка, дочка нашей соседки, она была глухонемая от рождения, но такая была умница, так читает, пишет без ошибок.

И ей сейчас 80 лет, она осталась одна в Гомеле. Потому что вся родня уехала в Израиль. Они ее с собой звали, она не хотела. Вот она теперь, бедненькая, там одна.

А тут тащат нас и говорят: «Смотри, с твой рост машина, встаньте рядом, я вас щелкну». Вот это его жена, Зина, а вот тут встала я. И машина оказалась выше нас. Ну это просто трепотня...

Тоже он, и это он уже со своим сыном. Где-то на берегу.

Это вот в Таллинне мой старшенький. Мы в Прибалтике много вообще бывали, ездили без конца.

Вот мой старшенький с орденом. Папа повесил – «За оборону Ленинграда». Но он вообще-то родился в Ленинграде в 1944 году, так что он имел право на такую медаль.

А это вот моя внучечка Полина, которая сейчас живет в Вене, 21 год ей сейчас.

А это мой внук Костя, вот его фотография, он сейчас уехал в Америку, он уже хороший очень врач.

Это вот моя свекровь – его мама, это вот я, и это тетя Тойба, его тетка, это наш старший сын Миша.

Наша свадьба была дома, вся эта квартира же была наша, везде большие столы стояли, у свекрови ведь очень большие столы были всегда.

Это я с Кларой, это наша двоюродная сестра Сима. Она приехала с отдыха и привезла нам с собой вот эти бусы из ракушек, мы были такие счастливые.

Освободили Прибалтику в 1944 год, муж был в авиационных частях, его части сразу же в первые дни были в Прибалтике. Вот это я, это Клара, это мой сын Миша, а это наша соседка Мара. Она не еврейка, и не эстонка. Она латышка и русская. Она настоящая православная женщина, какую имел в виду Христос, когда он говорил со своими... Она чудный, очень человек добрый. Мы много лет с ней переписывались, когда ее дочка старшая нам написала, что наша мамочка очень болеет, и в это время в Таллинн приехал служить наш двоюродный брат, и мы его просили зайти в нашу квартиру, где мы жили с этими соседями, узнать, как эта Анна Эрнестовна. И он нам по телефону позвонил, что она умирает, и мы его очень просили, чтобы он узнал, когда это случится, чтобы он принес от нас большой горшок или большую корзину с цветами, и он это все сделал. Она умерла. Ой, сколько она пережила, ее гоняли из концлагеря в концлагерь немцы, за то, что они жили когда во Пскове, там уже стояли немцы, и за то, что они спасли советского летчика, которого упал самолет, они стреляли и его, видимо, только ранили, но не убили, и поэтому ночью он приполз к ним домой в Псков, и она его спрятала в своем подвале. И вот они его кормили, приносили кушать. А сверху у них были немцы, молодые офицеры приходили, потому что дочери молодые девушки были, и они танцы устраивали, и вот она говорит: «Если бы они знали, что они танцуют на полу, под которым сидит советский летчик, которого они найти не могли...» И потом, когда он уже поправился, он ей говорит: «Анна Эрнестовна, я пойду искать, спасибо вам большое, я пойду искать, у меня в Пскове есть родня». Она ему говорит: «Не ходи, ты попадешься к немцам, ты посмотри вокруг что делается». «Что вы, я спрячусь». И, короче говоря, через несколько часов стук в дверь, открывают дверь – стоят два немца, и он, так избитое такое лицо, что она не могла понять, кто это! Она всегда, когда это рассказывала, так плакала. Вот оказывается, что они все-таки его поймали, этого парня, избили так, что он не мог... «Покажи, кто тебя прятал». И он привел их к ним домой. И их всех забрали в концлагерь сразу: и ее, и мужа, и двух дочерей. Муж по дороге умер, их перегоняли из одного лагеря в другой, у него была ранена нога, началась гангрена, и он умер по дороге – это ей все немец потом рассказал. Ну, они их по всей Германии, по всей Польше по всем концлагерям гоняли, и освободили их американцы уже в лагере Бухенвальд только. Там был большой лагерь, и вот их освободили уже американцы, ну, и она потом нашла своих двух сыновей, сыновья у нее воевали – один на нашей стороне, другой – на стороне немцев, потому что там немцы их насильно забрали их всех в армию. Ну в общем, там целая история у них интересная.

Я знала тогда много песен, я помню, моя свекровь очень любила эту песенку: «Ди мизинке уйс гегебн». Это значит, когда уже мама выдаст младшую дочку замуж – она уже счастливая. Мизинке – это младшая дочь, «я ее уже выдала», – мама поет. Ну вот такие вот песенки я знаю, всякие. У нас соседка очень хорошо пела, она выступала с еврейскими песнями, а у меня был хороший слух всегда, и все песни, я много знаю еврейских песен. Надо сесть, повспоминать. Так у меня такой полиартрит, что я даже не знаю, сумею ли я. Не могу октаву даже взять, вот не знаю, сумею ли я себе подыграть. Я всегда подыгрывала себе сама, и пела еврейские песни. Очень любила и русские песни –

всякие. Еще украинские песни... белорусских много знаю. Мы всю жизнь прожили – до 18 лет в Белоруссии.

В Таллинне когда я жила, там вообще евреев много в Таллинне, и рассказывала этой Анне Эрнестовне, которая из концлагеря, какая хорошая песня, «а идише мамэ», а мой муж говорит: «Почему только а идише мамэ? А другие мамы?» А Анна Эрнестовна говорит: «А вот, Исаак Яковлевич, почему: когда нас привозили, когда нас рассортировывали в первый раз немцы – так все мамы имели право забрать маленьких своих детей на руки и с собой брали, где они были. А у еврейских мам отнимали детей, и если она бежала, чтобы отнять обратно своего ребенка, в нее тут же стреляли. Это я сама видела, мне не нужны ничьи рассказы. Вот почему про еврейскую маму отдельно пишут». Мой муж был вообще борец за равноправие. Все мамы одинаковые. А Анна Эрнестовна говорит: «Нет, Исаак Яковлевич, все мамы не одинаковые». Ну вот она рассказывала такие разные истории. Она все-таки прожила всю войну со своими двумя дочерьми, которые были при ней, ни на секунду никуда от нее не отходили, и они уже освободились все вместе, они были все втроем. И к нам в Таллинн – им дали одну комнату, у нас там большая была квартира, вот у нас с мужем была одна комната, и им дали большую комнату, потому что из много было. Уже к этому времени нашелся их сын, который за Россию воевал, так вот им дали большую комнату, а у нас с мужем и с Мишкой была маленькая комната. Две взрослые дочери у нее были, «А это кто такой? Откуда он взялся?» – я спрашиваю, ну, тогда она мне всю историю эту рассказала. Он был музыкантом. Они, сидя в Бухенвальде, когда их освободили американцы, до того, как их отправить кого-куда, они им провели радио советское, потому что в бараке, где были все русские, конечно, хотелось, слушать советское радио. И она говорит: «Мы сидим, и вдруг слышим передачу: исполняет там какую-то песню оркестр под управлением Гашника», они как это услышали, ох, как они рыдали от счастья, что значит, их старший сын жив. Вот этот Анатолий Гашник. Потом он приехал к ним тоже в эту комнату, и мы с ним очень дружили, потому что я всегда была очень музыкальная, и очень классику хорошо знала, а он потом, через много лет, мы с мужем приехали в Таллинн их разыскали, его с женой. И он стал деканом факультета таллиннской консерватории. Он подготовился, кончил консерваторию, потом стал ее деканом, и вот, много лет... Потом уже без мужа я как-то приехала в Таллинн, разыскала, опять пришла к ним, договорилась по телефону, я захожу к ним в дом, открывается дверь и выходит Анатолий на двух костылях. Он перенес тяжелый инсульт, уже не мог ходить. И все-таки мы все были счастливы, что мы все повидались, мы так дружили.